

Таммара Веббер
Просто любовь
Серия «Просто любовь», книга 1
Серия «Сто оттенков любви»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6038207

Тамара Веббер. Просто любовь: Азбука, Азбука-Амтикус; Москва; 2013

ISBN 978-5-389-06539-0

Оригинал: TammaraWebber, "Easy"

Перевод:

Мария Николенко

Аннотация

Жаклин мечтала о консерватории, но вслед за своим возлюбленным поступила в обычный колледж. Платой за самопожертвование была черная неблагодарность – бойфренд вдруг порвал с девушкой и пустился во все тяжкие. Отвергнутая Жаклин впадает в глухую тоску и запускает учебу. И как будто мало этих бед, ее пытаются изнасиловать на вечеринке в студенческом общежитии. К счастью, на помощь вовремя приходит симпатичный незнакомец с крепкими кулаками.

Оказывается, этот парень, Лукас, учится с ней на одном курсе. И тайно влюблен в нее. Но он очень странный. У него на теле вытатуированы красная роза и романтические стихи, и как прикажете это понимать? А еще он упорно молчит о своем прошлом.

Вроде бы жизнь налаживается. Завязывается новый роман, да и с учебой все не так уж безнадежно. Вот только как быть с Лэндоном, репетитором-невидимкой, человеком еще более загадочным, чем Лукас?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Таммара Веббер

Просто любовь

Глава 1

До той ночи я не замечала Лукаса: его будто не было, а потом он вдруг оказался повсюду.

Пару минут назад я слиняла с вечеринки; отмечали Хеллоуин, и веселье еще шло полным ходом. Я петляла между машинами, тесно припаркованными за общагой, где жил мой бывший парень, и печатала эсэмэску соседке по комнате. Южная ночь была теплой и полной очарования – настоящее бабье лето. Из раскрытых окон доносилась громкая музыка, к которой примешивались взрывы хохота, пьяная ругань и призывы опрокинуть еще по бокальчику.

В тот вечер мы с Эрин договорились, что я буду за рулем и, даже если весь этот гудеж мне совершенно осточертеет, обязательно дождусь ее и отвезу в целости и сохранности через весь кампус прямо к нам в общежитие. И вот теперь я эсэмэсила ей, чтобы она позвонила или написала, когда будет готова ехать. Похоже было, что ждать мне придется до утра: Эрин и ее парень Чез как следует заправились текилой, исполнили несколько брачных танцев и, взявшись за руки, рванули наверх, к нему в комнату. Я усмехнулась, представив себе, как моя подруга, поджав хвост, побежит с переднего крыльца к моему грузовичку.

Я нажала «отправить» и стала рыться в сумке в поисках ключей. Луну закрывали облака, а освещенные окна были от меня слишком далеко, и найти что-нибудь в такой крошечной темноте я могла только на ощупь. В руку воткнулось острое механического карандаша; я выругалась и топнула каблуком: наверняка поранилась до крови. Добыв наконец-то ключи, принялась сосать палец. Судя по металлическому привкусу, кожу я проколола.

– Так и знала, – проворчала я, открывая машину.

Что со мной произошло в следующие несколько секунд, я понять не успела. Только заглянула внутрь – и вдруг лежу на сиденье лицом вниз: ни пошевелиться, ни вздохнуть. Я попыталась подняться, но меня придавили.

– Тебе идет костюм чертика, Джеки, – пробормотал кто-то довольно невнятно, хотя голос показался мне знакомым.

Я хотела было сказать, чтобы меня не называли Джеки, но тут мне стало не до этого: чья-то лапа полезла мне под юбку. Моя правая рука была зажата моим же туловищем, а левой я уцепилась за сиденье, пытаюсь оттолкнуться от него и высвободиться. Тогда лапа, шарившая по моему бедру, схватила меня за запястье. Я вскрикнула, потому что мне заломили руку назад и теперь ее крепко удерживала вторая лапа. А еще этот урод надавил предплечьем мне на лопатки, и я уже вообще не могла шевелиться.

– Слезь с меня, Бак, пусти! – Я попыталась произнести это как можно более грозно, но голос у меня дрожал.

Дыхание парня отдавало пивом, а пот – чем-то покрепче. Меня затошнило. Бак опять стал лапать мое бедро, навалившись на меня правым боком. Мои ноги торчали из открытой дверцы машины. Я попробовала поджать под себя колено, а он только ржал над моими жалкими потугами его стряхнуть. Когда он засунул мне руку между ногами, я закричала и попыталась вернуться в прежнее положение, но было уже поздно. Я опять принялась извиваться, а потом, поняв, что он слишком тяжелый и мне его не спихнуть, стала просить:

– Бак, перестань. Ты просто пьяный, и завтра тебе будет стыдно. О господи...

Он раздвинул мне ноги коленом, и я почувствовала, как воздух холодит мое бедро. Бак расстегнул молнию и расхохотался прямо мне в ухо. Потеряв надежду вразумить его, я запричитала:

– Нет-нет-нет-нет!..

Он навалился на меня всей тяжестью, и я не могла набрать в легкие достаточно воздуха, чтобы закричать. Рот мой был прижат к сиденью. Продолжая беспомощно барахтаться, я все еще не могла поверить, что парень, которого я знала больше года, напал на меня в моей собственной машине, да еще прямо на стоянке за общагой. Ведь до сих пор – все время, что я встречалась с Кеннеди, – он вел себя вполне нормально.

Бак начал стягивать с меня трусы, и, не переставая дергаться, я услышала, как рвется тонкая ткань.

– Боже мой, Джеки, я всегда знал, что у тебя классная задница, но теперь вижу, что ты просто супер!

Его лапа опять оказалась у меня между ногами, и на долю секунды он приподнялся. Мне хватило этого, чтобы сделать вдох и закричать. Тогда Бак отпустил запястье и прижал мою голову к сиденью лицом вниз. Теперь я молчала, с трудом дыша. В том, что мою левую руку оставили в покое, проку оказалось немного: я попыталась оттолкнуться ею от пола, но она болела и не слушалась. Я ревела в подушку, и чехол подо мной был весь мокрый от слез и слюны.

– Пожалуйста, не надо! Пожалуйста, не надо! Господи... Перестань! Перестань! – Мне было противно от того, каким слабым и жалким сейчас казался мой голос.

Бак опять приподнялся: то ли передумал, то ли устраивался поудобнее – выяснять было некогда. Я вывернулась, бросилась к дальнему концу сиденья, разрывая каблуками мягкую кожу обивки, и ухватила за ручку дверцы. Кровь ударила в голову. Нужно было быстро собраться с силами для побега или боя не на жизнь, а на смерть. И тут вдруг я увидела, что Бака нет в машине.

Сначала я не могла понять, почему он стоит за дверцей, отвернувшись от меня. Его голова резко запрокинулась: сначала один раз, потом второй. Бак изо всех сил размахивал руками, но, пока он не оступился, наскочив на мою машину, я не могла разглядеть, с кем он дерется.

Не сводя глаз с моего обидчика, противник два раза с силой ткнул его кулаком в лицо. Они поменялись местами, и я увидела, что у Бака пошла носом кровь. Он попытался дать сдачи, но ничего не вышло. Наконец он набычился и упрямо попер на врага, получив от него сначала апперкот в челюсть, а потом еще и удар локтем в висок, – при этом раздался тошнотворный глухой звук. Бак снова налетел на мою машину и снова попытался атаковать неизвестного мне противника. Тот эффектно, как в кино, схватил Бака за плечи, пригнул и ударил коленом в подбородок. Бак повалился на землю и, съевшись, застонал. Незнакомый парень смотрел на него сверху вниз, готовый, если нужно, нанести новый удар: кулаки сжаты, локти присогнуты.

Но в новом ударе необходимости не было. Бак и без того почти совсем вырубился. Ну а я сидела в своем углу, съевшись и тяжело дыша. Моя паника сменилась шоком. Видимо услышав, как я хнычу, парень поймал мой взгляд, ботинком отодвинул Бака с дороги, подошел к дверце и заглянул внутрь машины:

– Ты в порядке? – Его голос звучал негромко, участливо. Я хотела сказать «да», собиралась кивнуть, но не могла. Потому что была далеко не в порядке. – Я наберу девять-один-один. Тебе нужна медицинская помощь или просто вызовем полицию?

Мне представилось, как в студенческий городок въезжает полицейская машина и народ высыпает из общаги на звук сирены. Я дружила не только с Эрин и Чезом: там, на празднике, тусовалась масса моих приятелей и приятельниц, причем многие из них были несовершен-

нолетние и успели хорошо выпить. Не хотелось привлекать внимание полиции к нашей вечеринке. После этого от меня все отвернулись бы. Поэтому я замотала головой и проскрипела:

– Не звони.

– Может, хотя бы «скорую» вызовем?

Я прочистила горло и снова замотала головой:

– Никуда не звони. И полицию не вызывай.

Парень оглядел сиденье, и у него отвисла челюсть.

– По-моему, этот гад только что пытался тебя изнасиловать. – (При этом слове я поежилась.) – И ты считаешь, полицию вызывать не надо? – Он покачал головой и еще раз заглянул мне в лицо. – Или, может быть, я зря вас побеспокоил?

Теперь уже я разинула рот и вытаращила глаза:

– Н-нет. Просто я хочу домой.

Бак застонал и перевернулся на спину.

– В-в-вашу мать! – пробурчал он, даже не пытаясь открыть глаза, один из которых, похоже, здорово заплыл.

Мой спаситель, скривив рот, поглядел на поверженного врага, склонил голову набок, потом выпрямился, повел плечами и заявил:

– Ладно. Я тебя отвезу.

«Не для того я отбивалась от Бака, чтобы потом сразу же сесть в машину к незнакомому мужчине», – подумала я и проскрежетала:

– Сама доеду.

Тут мой взгляд упал на сумку, содержимое которой рассыпалось по полу вокруг кресла водителя. Парень глянул вниз и, наклонившись, стал искать ключи, а найдя, потряс ими и спросил:

– Ты, наверное, это ищешь?

Тут только я поймала себя на том, что до сих пор ни на сантиметр к нему не приблизилась. Лизнув губу, я во второй раз за вечер почувствовала вкус крови. Придерживая юбку, я придвинулась к тусклому свету лампочки, вмонтированной в потолок. При мысли о том, что со мной чуть было не произошло, я почувствовала дурноту. Когда я потянулась за ключами, пальцы у меня дрожали. Нахмурившись, парень сжал свою находку в кулаке и опустил руку:

– Тебе нельзя ехать одной.

Судя по выражению его лица, видок у меня был кошмарный. Я удивленно моргнула, все еще продолжая тянуться за отнятыми ключами:

– Что? Почему?

Парень выставил три пальца:

– Во-первых, после того, что случилось, тебя всю трясет. Во-вторых, мне кажется, тебе все-таки нужна медицинская помощь. И в-третьих, ты, наверное, выпила.

– Я не пила, – отрезала я. – Сегодня я должна быть за рулем, чтобы развезти ребят по домам.

Парень вскинул брови и огляделся:

– И где же эти ребята? Если бы они действительно были с тобой, не случилось бы всего этого безобразия. А так ты торчишь одна на темной парковке и даже не смотришь по сторонам. Не очень-то ты осторожна!

Тут я вдруг страшно разозлилась. На Кеннеди – за то, что не был рядом; он бросил меня две недели назад и теперь вот не проводил до машины. На Эрин – за то, что уговорила меня прийти на этот дурацкий праздник, и особенно на себя – за то, что согласилась. Ну и разумеется, я вся кипела при виде подонка, который, ничего не соображая, валялся на асфальте в нескольких футах от моего грузовичка, в крови и слюнях. А еще негодовала на

незнакомому парня, который заграбастал мои ключи и рассказывал мне, какая я глупая и несерьезная.

– То есть это я виновата, что он на меня напал? – Саднило горло, но я не обращала внимания на боль. – Я виновата, что мне от общаги до машины нельзя дойти, чтобы кто-нибудь из вас не попытался меня изнасиловать? – Теперь я вернула ему это слово. Пусть видит, что я никаких слов не боюсь.

– *Кто-нибудь из вас?* По-твоему, я то же самое, что этот кусок дерьма? – Он указал на Бака, продолжая смотреть мне в глаза. – У меня с ним нет ничего общего.

Именно в этот момент я заметила, что в нижней губе у него, слева, поблескивает серебряная серьга.

Здорово! Я застряла на стоянке наедине с сердитым незнакомым парнем, у которого во рту кольцо и который не собирается отдавать мне ключи. Вот так ночь выдалась! Я хотела продемонстрировать твердость, но вместо этого всхлипнула.

– Пожалуйста, отдай ключи! – Я опять протянула руку, стараясь, чтобы она не дрожала.

Парень сглотнул, глядя на меня. Я тоже в упор посмотрела ему в глаза. Точно определить их цвет я не могла. Но даже в полумраке было видно, что они ясные, светлые и резко контрастируют с темными волосами. Его голос зазвучал мягче, менее враждебно:

– Ты живешь здесь, в кампусе? Давай я тебя довезу, а потом вернусь сюда пешком и уеду к себе.

Мое сопротивление было сломлено. Я кивнула и потянулась за сумкой, чтобы снять ее с сиденья водителя. Парень помог мне собрать разбросанные по полу ручки и карандаши, блеск для губ, кошелек, тампоны, резинки для волос. Наконец он поднял упаковку презервативов и, кашлянув, протянул ее мне. Я отшатнулась:

– Это не мое!

Он нахмурился:

– Уверена?

– Абсолютно! – Я стиснула зубы, чтобы опять не вспылить.

Тогда парень взглянул на Бака:

– Вот подонок! Хотел, наверное... – Он посмотрел на меня, потом снова на Бака. – Э-э-э... чтобы не осталось улики.

Я предпочла не разбираться в подобных деталях.

– Потом выброшу. Назад он это точно не получит, – сказал парень, запихивая упаковку в передний карман джинсов. Он уселся, завел машину и, все еще хмурясь, в очередной раз смерил меня взглядом, после чего спросил: – Точно не хочешь вызвать полицию?

Из общаги донесся смех. Прямо посередине центрального окна красовался, как в раме, Кеннеди. Он танцевал, обхватив руками девицу в белом полупрозрачном платье с глубоким вырезом. Над головой у нее был нимб, а за спиной крылышки. Прекрасно. Просто прекрасно.

Отбиваясь от Бака, я потеряла ободок с рожками, который Эрин на меня нацепила, когда я сидела на кровати и ныла, что не хочу идти на этот дебильный карнавал. Без рожек я была просто девушкой в коротеньком облегающем платье, красном с блестками, – в обычной жизни я бы такого ни за что не надела.

– Точно.

Когда мы отъезжали, свет фар упал на Бака. Он заслонил лицо рукой и попытался сесть. Даже на расстоянии я увидела его разбитую губу, расквашенный нос и заплывший глаз. Хорошо, что не я была за рулем. А то могла бы его переехать.

Я сказала, в каком общежитии живу, уставилась в окно и за все время, что мы петляли по студенческому городку, больше не смогла выдать ни слова. Я обхватила себя руками, как будто на мне была смирительная рубашка, и старалась подавлять дрожь, которая пробе-

гала по телу каждые пять секунд. Не хотелось, чтобы молодой человек, сидевший за рулем, видел эти судороги, но поделать я ничего не могла.

Стоянка возле общаги была битком забита. Все места у входа уже заняли. Парень припарковал мой грузовичок в заднем ряду, спрыгнул на асфальт, обошел машину и помог мне сползти с места. Он нажал кнопку, чтобы дверцы закрылись, и передал ключи мне. Я взяла их, изо всех сил стараясь не показывать, как мне плохо. Потом мы пошли к зданию.

– Давай карточку.

Я трясущимися пальцами достала ее из кармана сумочки и передала ему. Заметив у него на костяшках кровь, я охнула:

– Господи! Ты поранился!

Он оглядел руку и мотнул головой:

– Нет, это в основном его кровь.

Тут парень сжал губы и, отвернувшись от меня, приложил карточку к замку. Интересно, молодой человек и внутрь собирался со мной пойти? Вообще-то, я уже очень хотела остаться одна.

Открыв дверь, он протянул карточку мне. В вестибюле было светло, и теперь я могла разглядеть глаза парня: они были серо-голубые и смотрели из-под насупленных бровей. Он во второй раз спросил:

– Ты точно в порядке?

Я невольно поморщилась и, опустив голову, чтобы положить карточку обратно в сумку, кивнула:

– Да, все нормально.

Он понял, что я вру, и со вздохом провел рукой по волосам:

– Может, все-таки позвоним кому-нибудь?

Я покачала головой. Мне нужно было скорее добраться до своей комнаты и упасть на кровать.

– Спасибо, не надо.

Я проскользнула в вестибюль, стараясь не задеть парня, и направилась к лестнице.

– Джеки! – мягко окликнул он, все еще стоя в дверях. Я оглянулась, держась за перила, и мы посмотрели друг на друга. – Ты ни в чем не виновата.

Я больно прикусила губу, кивнула и побежала наверх, стуча каблуками о бетонные ступеньки. На площадке второго этажа я резко остановилась и обернулась еще раз. Парень уже ушел.

Я не знала, как его зовут. До того вечера мы не только не встречались, но, по-моему, я даже мельком его не видела. Иначе бы запомнила эти удивительно ясные глаза. Так что я понятия не имела, кто он. А он назвал меня по имени. Причем не Жаклин, как было написано в моей карточке, а Джеки – так окрестил меня Кеннеди, когда мы еще учились в старших классах.

* * *

За две недели до этого

– Вернешься к себе или переночуешь у меня? – Мой голос звучал кокетливо, напевно. – Эрин поехала на выходные к Чезу, потому что его соседа сейчас нет в городе. Выходит, я буду совершенно одна...

Мы с Кеннеди встречались без одного месяца три года. Не было смысла прикидываться скромницей. Эрин уже стала называть нас пожилой супружеской парой. «Завидуй молча!» – отшучивалась я, а она отвечала: «Да иди ты!»

– Мм... зайду к тебе ненадолго.

Мы как раз въехали на стоянку общежития, и он потирал шею в поисках места для парковки. Выражение его лица показалось мне странным. В груди кольнуло от предчувствия чего-то недоброго, и я нервно сглотнула:

– С тобой все хорошо?

Если Кеннеди потирает шею, значит его что-то сильно беспокоит. Он бросил взгляд в мою сторону:

– Да, все отлично.

Он втиснул машину на первое же свободное место между двумя пикапами. Обычно он никогда не парковался как попало. Следил, чтобы его драгоценному «БМВ» было просторно, а то, не дай бог, на дверце будет царапина. Ну а теперь Кеннеди явно что-то беспокоило. Наверное, он волновался из-за промежуточной аттестации, особенно по введению в матанализ. К тому же в их общаге в ближайший вечер устраивали тусовку, а перед аттестацией это было, конечно, очень некстати.

Я потянула Кеннеди за собой, и мы зашли в задний подъезд: я побаивалась ходить там одна, но, когда со мной был мой парень, эти грязные стены, залепленные жвачкой, и этот затхлый кислый запах не наводили на меня ужаса. Я взбежала по лестнице, и мы оказались в коридоре.

Я стала открывать дверь, оглядываясь на Кеннеди. На белой доске, где мы с Эрин и прочими соседками писали друг другу записки фломастерами, кто-то старательно изобразил пенис. Я покачала головой. Нравы в нашей общаге были не такие цивилизованные, как расписывалось на сайте колледжа. Иногда мне казалось, что меня окружают двенадцатилетние.

– Завтра вечером скажешь, что приболел, – предложила я, дотронувшись до его руки. – Давай спрячемся здесь и будем все выходные заниматься. Закажем себе еду... и еще что-нибудь подделаем для поднятия настроения... – Я игриво улыбнулась, а он уставился на свои ботинки.

У меня быстро забилося сердце, и мне вдруг стало жарко. Что-то точно было не так. Мне хотелось услышать от Кеннеди все как есть и ничего себе не надумывать. Эта ситуация была для меня как гром среди ясного неба, ведь мы так давно не сталкивались ни с какими проблемами и не ссорились по-настоящему.

Войдя в комнату, Кеннеди сел на стул возле письменного стола, а не на кровать. Я подошла, наши колени соприкоснулись. Может быть, он скажет мне, что просто волнуется из-за экзаменов или у него плохое настроение? Мое сердце тяжело стучало.

– Кеннеди? – Я положила руку ему на плечо.

– Джеки, нам нужно поговорить.

У меня еще громче застучало в ушах, и пальцы соскользнули с его плеча. Сцепив руки, я села в трех футах от Кеннеди. Во рту все пересохло, и я не могла даже глотать, а не то что говорить. Он тоже молчал, стараясь не смотреть мне в лицо. Это продолжалось минуты две, но они показались мне невыносимо долгими. Наконец он поднял на меня глаза. Печальные очи. О боже мой, боже мой, боже мой...

– У меня кое-какие... сложности... с другими девушками.

Я моргнула. Не сиди я в этот момент на кровати, у меня подкосились бы ноги и я бы упала.

– Что ты хочешь этим сказать? – прохрипела я. – Что это за сложности и какие еще другие девушки?

Он тяжело вздохнул:

– Нет, это не то, о чем ты подумала. Я ничего такого не сделал. – Он отвернулся и снова вздохнул. – Но наверное, мне бы хотелось.

– Чего? Не понимаю...

Мой мозг отчаянно пытался найти словам Кеннеди какое-нибудь объяснение, но от этих попыток становилось еще паршивее. Он встал, два раза прошелся по комнате, а потом снова сел, уперев локти в колени и сцепив пальцы.

– Ты знаешь, как для меня важна моя будущая карьера юриста и политика. – (Я кивнула, все еще не оправившись от потрясения и изо всех сил стараясь не потерять самообладания.) – И ты ведь знаешь наших девчонок? – (Я опять кивнула. Когда Кеннеди еще только переехал в общагу, из-за этих-то девчонок я и беспокоилась. Да видно, мало.) – Так вот есть одна девушка... Несколько девушек... Они... В общем...

Я старалась говорить спокойно и рассудительно:

– Кеннеди, ты несешь какую-то бессмыслицу. Ты ничего не сделал, но хочешь сделать?

Тут он посмотрел на меня так, что обманываться было уже невозможно:

– Да, хочу.

Лучше бы он просто взял и ткнул меня кулаком в живот – ведь понимать слова мой мозг все равно отказывался, а физическое воздействие, наверное, понял бы.

– Хочешь? Какого черта ты хочешь?

Кеннеди вскочил со стула и протопал до двери и обратно, отмерив с десятков шагов:

– А ты как думаешь? Господи! Не заставляй меня это говорить!

– Почему же? – Я недоуменно раскрыла рот. – Если ты хочешь что-то сделать, так почему... какого хрена ты не можешь об этом сказать? И при чем тут твоя карьера?

– Я как раз пытался объяснить. Мы все знаем, что для человека, который хочет победить на выборах, нет ничего хуже, чем вляпаться в какой-нибудь скандал. – Кеннеди уставился на меня так, будто я была его противником на предвыборных дебатах. – Но я всего лишь человек. Хотя бы, пока я молодой, мне нужно, что называется, перебеситься. Если я буду себя сдерживать, то потом все эти желания станут только сильнее, так что я не смогу с ними справиться и моей карьере придет конец. – Он беспомощно развел руками. – Поэтому я должен дать себе волю сейчас, пока мои приключения еще ничем мне не грозят.

Я твердила себе, что этого не может быть. Мой парень, с которым мы встречались три года, хочет порвать со мной для того, чтобы без зазрения совести путаться с однокурсницами. Я зажмурилась и попыталась сделать глубокий вдох, но не смогла. В комнате не хватало кислорода. Ничего не говоря, я смотрела на Кеннеди. Он стиснул зубы и процедил:

– Ладно. Я-то хотел тебя подготовить... Думал, просто расстанемся по-хорошему, без сцен. Но, видно, глупо было на такое рассчитывать.

– Ты называешь это «расстаться по-хорошему»? И для тебя это просто? Кинуть меня, чтобы кувыраться с другими девчонками и не чувствовать себя виноватым? Ты серьезно?

– Серьезней не бывает!

Запуская в Кеннеди учебником по экономике, я подумала: «У него даже не осталось для меня человеческих слов – одни только вонючие штампы!»

Глава 2

Меня разбудил голос Эрин:

– Жаклин Уоллес, поднимай задницу с кровати и беги спасать свой средний балл! Боже мой, ну нельзя же так забивать на учебу из-за парней! Ты потом все это не расхлебашь!

Я негодуяще хмыкнула в одеяло и только потом высунула голову:

– А кто тут забил на учебу?

Эрин минуту назад вышла из душа и стояла подбоченься, замотанная в полотенце:

– Ха-ха! Очень смешно. Вставай.

Я фыркнула, продолжая лежать:

– У меня со всеми предметами все в порядке. Могу я хоть один завалить?

Эрин разинула рот:

– Ты сама-то себя слышишь?

Я себя слышала. Моя трусость бесила меня не меньше, чем мою подругу. А может быть, даже больше. Но я и думать не могла о том, чтобы трижды в неделю по часу отсиживать рядом с Кеннеди. Я не знала, как он собирался пользоваться своим новым статусом свободного мужчины: с кем флиртовать, кого клеить. В любом случае смотреть на это не хотелось. От одних только мыслей становилось паршиво.

И зачем я записалась на тот же курс, что и он? В начале семестра он спросил меня, почему я решила ходить на экономику. Ведь я получаю музыкальное образование, и это для меня необязательный предмет. Вдруг Кеннеди уже тогда чувствовал, что нашим отношениям скоро придет конец? Или даже знал?

– Не могу я.

– Еще как можешь! – Эрин стянула с меня одеяло. – Теперь вставай и иди в душ. Если я из-за тебя опоздаю на французский, месье Бидо замучает меня своим *passé composé*¹. Я и по-английски в прошедших временах не сильна, а уж *en français*², да еще в такую рань, я вообще двух слов не свяжу.

Я подошла к аудитории ровно в девять. Кеннеди наверняка был уже там, ведь он никогда не опаздывал. Лекции по экономике проходили в большом зале, где парты располагались амфитеатром. Я шмыгнула в заднюю дверь, сразу же заметив Кеннеди в середине шестого ряда. Место возле него, мое место, было свободно. Доктор Хеллер еще на втором занятии записал, кто где должен сидеть, чтобы он мог сразу видеть, кого нет (посещаемость учитывалась при выставлении зачета). «Придется к нему подойти и объяснить, что я хочу пересесть», – подумала я.

Оглядев аудиторию, я увидела два свободных места сзади. Одно в четвертом ряду от конца, между парнем, который спал, подперев щеку рукой, и девчонкой, которая пила что-то из большущего стакана и непрерывно болтала с соседкой. Другое – в самом верху, рядом с молодым человеком, рисовавшим что-то на полях учебника. Я остановилась на втором варианте. Тут вошел профессор, и «художник» поднял голову. Я остолбенела: это был тот самый парень, который спас меня два дня назад. Если бы я не застыла на месте, я бы развернулась и выбежала из аудитории.

Меня с головой накрыли воспоминания о том ужасном вечере: беспомощность, страх, унижение. Придя к себе в комнату, я свернулась клубком на кровати и всю ночь проплакала. Я облегченно вздохнула, когда Эрин написала мне, что останется у Чеза. На следующий день я решила не рассказывать ей о случившемся: во-первых, не хотела, чтобы она чувствовала

¹ Составное прошедшее время. – Здесь и далее примеч. перев.

² По-французски.

себя виноватой, – ведь это она уломала меня пойти на вечеринку, а потом позволила мне уйти одной, а во-вторых, хотелось поскорее это забыть.

– Если все усядутся, мы начнем.

Услышав голос профессора, я вышла из ступора. Все, кроме меня, сидели. Я бросилась к свободному месту между болтушкой и соней. Когда я плюхнулась на прикрученный к полу стул, девушка на секунду обернулась и продолжила свой рассказ о том, где, с кем и до какого состояния она напилась в прошедшие выходные, а парень только приоткрыл осоловелые глаза и даже не пошевелился.

– Здесь не занято? – шепотом спросила я.

Он покачал головой и пробормотал:

– Было занято. Но она давно не ходит. Видно, бросила.

Немного успокоившись, я достала из сумки тетрадь. На Кеннеди я старалась не смотреть, но при таком расположении парт это было довольно трудно. Стоило ему пошевелиться, его тщательно уложенные светло-русые волосы и выглаженная рубашка, так хорошо мне знакомая, сразу же притягивали к себе взгляд. Эта ткань в зеленую клетку очень шла к его ярко-зеленым глазам. Мы с ним были знакомы с девятого класса. Я видела, как он постепенно превращался из пацана в шортах и кедах в молодого человека с глянцевого обложки, который отдает свои идеально подогнанные вещи гладить в прачечную и следит за тем, чтобы его обувь всегда блестела. Фигура у него была безупречная, и даже преподавательницы нередко оборачивались ему вслед, а потом быстро отводили взгляд, как от запретного плода.

В старшей школе мы вместе ходили на английский. Кеннеди заметил меня на первом же уроке: перед тем как сесть, улыбнулся, показав ямочки на щеках, и предложил заниматься в его группе. Потом спросил про мои планы на выходные, а вскоре и сам стал частью этих планов. Он ухаживал за мной без робости, не сомневаясь в успехе. Как староста нашего класса, Кеннеди старался со всеми дружить: он придавал большое значение тому, чтобы всем нравиться. Это был один из лучших учеников, спортсменов (гордость школьной бейсбольной команды), звезда дискуссионного клуба (в споре он всегда находил веские доводы, которые помогали ему победить).

Со мной Кеннеди был терпелив и внимателен, не форсировал события, никогда не забывал про мой день рождения или годовщину нашего знакомства. Я даже не сомневалась в том, что у нас все серьезно. Когда мы начали открыто встречаться, он переименовал меня в Джеки, и все это подхватили. Даже я сама стала так себя называть. «Ты моя Джеки», – говорил он, отождествляя меня с женой Джона Кеннеди, своего тезки и кумира.

К президентской семье мой Кеннеди не имел никакого отношения. Просто его родители, вечно ссорившиеся друг с другом, были помешаны на политике. Его сестру они называли Рейган, а брата – Картер.

Прошло три года с тех пор, как я перестала быть Жаклин. Теперь я старалась отвоевать свое прежнее имя – частичку себя, которой я когда-то пожертвовала ради Кеннеди. Я поступилась не только этим, но и другими, более важными вещами. Просто это было единственное, что я могла вернуть.

* * *

Итак, две недели я пропускала занятия, а теперь пришла и потратила пятьдесят минут лекции на то, чтобы не позволять себе смотреть на Кеннеди. Вялые мозги не слушались. Когда прозвенел звонок, я поняла, что не много усвоила из рассказа профессора.

По пути в кабинет доктора Хеллера я усиленно соображала, как же уговорить его дать мне возможность наверстать упущенное. До этого момента мне было наплевать, сдам я эко-

номику или нет. И вот теперь я испугалась: я ведь еще ни разу не заваливала ни одного предмета, а сейчас все к этому шло. Если я получу «F»³, эта оценка останется у меня в дипломе на всю жизнь. Что я скажу родителям и куратору?

– Что ж, миз⁴ Уоллес, – достав из поношенного портфеля учебник и кипу разрозненных листков, доктор Хеллер принялся ходить по комнате так, будто меня рядом не было, – изложите ваши обстоятельства.

Я прокашлялась:

– Обстоятельства?

Он устало посмотрел на меня поверх очков:

– Вы отсутствовали две недели подряд, пропустили промежуточную аттестацию, и сегодня вас тоже не было. Надо полагать, сейчас вы пришли ко мне, потому что все-таки хотите сдать макроэкономику. Слушаю вас затаив дыхание. – Тут он вздохнул и поставил учебник на полку. – Мне кажется, что я уже слышал обо всех мыслимых и немыслимых причинах студенческих прогулов, но, может быть, вам все-таки удастся меня удивить? Попробуйте! Только у меня мало времени, и у вас, наверное, тоже.

Я сглотнула:

– Сегодня я была. Просто сидела не на своем месте. Он кивнул:

– Хорошо. Поскольку вы подошли ко мне в конце лекции, я вам поверю. Один пропуск зачеркнем: четверть балла ваша. Но все равно у вас остается шесть пропущенных занятий и ноль баллов по результатам аттестации.

Боже мой! В этот момент из меня будто вытащили пробку – и наружу полились бес-связные извинения и оправдания:

– Меня бросил парень, а он тоже к вам ходит, и я даже видеть его не могу, не то что с ним рядом сидеть... Господи, я пропустила аттестацию! Я могу все завалить! Но ведь я никогда еще не проваливалась!

После этого монолога из глаз у меня брызнули слезы – как будто специально, чтобы добить профессора. Я прикусила губу, потому что боялась зареветь в голос, и уставилась в стол, стараясь не видеть презрительного выражения, которое, как мне казалось, должно было появиться на лице доктора Хеллера. Вдруг в поле моего зрения замаячила салфетка и я услышала вздох.

– Считайте, что вам повезло, миз Уоллес. – (Я взяла салфетку и промокнула ею влажные щеки, настороженно глядя на профессора.) – Видите ли, у меня дочь немного моложе вас. С ней недавно тоже произошла неприятность, и умненькая девочка, круглая отличница, превратилась в жалкий комок нервов, который только плачет, спит и снова плачет. Это продолжалось недели две, а потом дочка пришла в себя и сказала, что ни один мальчик больше не помешает ей учиться. Так и быть, я дам вам шанс. Один-единственный. Если вы им не воспользуетесь, тогда в конце семестра получите то, что заслужили. Мы друг друга поняли? – (Я кивнула и снова прослезилась.) – Хорошо. – Профессор неловко заерзал и протянул мне еще одну салфетку. – Ради бога, не надо! Своей дочке я сказал: «Парни не стоят того, чтобы так убиваться». Уж я-то знаю, сам был одним из них. – Профессор нацарапал что-то на клочке бумаги и протянул его мне. – Вот электронный адрес моего ассистента Лэндона Максфилда. Вы наверняка никогда не были на дополнительных семинарах, которые он проводит. Вам стоит сходить. Без индивидуальных занятий, конечно, тоже не обойтись. Три года назад Лэндон был моим лучшим студентом и с тех пор помогает мне. Я объясню ему, какой проект вы должны будете подготовить под его руководством, чтобы исправить свою оценку.

³ «F» – самая низкая оценка по шкале «A – F», принятой в большинстве учебных заведений США.

⁴ *Миз* (англ. Ms.) – обращение, которое ставится перед фамилией женщины, чье семейное положение неизвестно или не подчеркивается; вошло в употребление в 1970-е годы по инициативе феминистского движения.

Я поблагодарила профессора, в очередной раз всхлипнув. Ему, наверное, было до смерти неловко.

– Пожалуйста, пожалуйста. – Он вытащил план размещения студентов в аудитории. – Покажите, где вы, начиная с сегодняшнего дня, будете сидеть, чтобы я мог за каждое посещение начислять вам четверть балла.

Я показала. Профессор вписал мое имя в квадратик. «Ну что ж, – подумала я, – еще не все потеряно. Осталось только связаться с этим Лэндоном и выполнить задание. Но это, похоже, будет нелегко».

* * *

В кафетерий «Старбакс», который находился в здании студенческого центра, выстроилась невероятно длинная очередь. За пределами кампуса, через дорогу, была еще одна кафешка, но шел дождь, и мне не хотелось мокнуть. Да к тому же в той кафешке я, скорее всего, встретила бы Кеннеди: мы с ним почти каждый день ходили туда на большой перемене, потому что он принципиально игнорировал сетевые гиганты вроде «Старбакса» (даже если там продавали действительно хороший кофе), предпочитая уютные маленькие заведения.

– Я точно опоздаю на занятие, если и дальше буду здесь торчать! – раздраженно проворчала Эрин, высовываясь из очереди, чтобы посмотреть, сколько студентов осталось перед нами. – Девять человек! Девять! И еще пятеро ждут свой кофе. Да кто они все такие?

Парень, стоявший впереди, сердито оглянулся. Эрин ответила ему не более дружелюбной гримасой, а я поджала губы, чтобы не прыснуть со смеху:

– Может, такие же кофеиновые маньяки, как мы с тобой?

– Уф! – фыркнула она и вдруг схватила меня за руку. – Чуть не забыла: слыхала, что случилось с Баком в субботу вечером?

У меня екнуло в груди. Ночь, о которой я так хотела забыть, не переставала напоминать о себе. Я мотнула головой.

– На Бака напали на парковке за общагой. Двое парней пытались отнять у него кошелек. Скорее всего, это были бродяги. У них, паразитов, ничего не вышло, но избили они его здорово. Черт-те что творится у нас в кампусе, в самом центре города! Но знаешь, – Эрин придвинулась ко мне ближе, – по-моему, теперь, с расквашенной физиономией, Бак смотрится даже еще сексуальнее.

Мне было противно молча стоять и с притворным интересом слушать это вранье, вместо того чтобы выложить, как все было на самом деле.

– Ну ладно. Пойду выпью баночку энергетика, чтобы не вырубиться на политологии. Опаздывать нельзя, будет тест. Увидимся вечером.

Сказав это, Эрин приобняла меня и убежала.

Я продолжала двигаться к кассе, в тысячный раз прокручивая в памяти события субботнего вечера. Мне все никак не удавалось отделаться от унижительного ощущения собственной беспомощности. Да, парни сильнее нас – это я всегда знала. Кеннеди часто брал меня в охапку, а один раз даже перекинул через плечо и так побежал вверх по лестнице, а я висела вниз головой у него за спиной и смеялась. Он легко открывал банки, которые я открыть не могла, и двигал мебель, которую мне было не сдвинуть. Я ощущала его превосходство в силе, когда он обнимал меня и мои руки ложились на его твердые бицепсы.

Две недели назад он нанес мне удар в самое сердце. Ни разу до этого я не чувствовала такой боли, такой пустоты. И все-таки Кеннеди никогда не использовал против меня свою физическую мощь. Этим пакостным ощущением я обязана Баку – парню, которого все считали сексуальным, так что у него никогда не было проблем с девочками. Парню, кото-

рый раньше и виду не показывал, будто может хотя бы пальцем меня тронуть: я для него была только девушкой Кеннеди. Может, во всем виноват алкоголь? Вряд ли. Спиртное помогает избавиться от внешних ограничений, но не вызывает тяги к насилию, если она несвойственна человеку от природы.

– Следующий!

Опомнившись, я стала оглядывать прилавок, перед тем как заказать то, что обычно брала, и тут вдруг снова увидела перед собой лицо молодого человека из той самой субботней ночи. Утром на эконоимке я не захотела сесть рядом с ним. И вот опять стою с разинутым ртом, ничего не говоря. Опять накатили прежние эмоции. Щеки загорелись, когда я подумала, в каком положении этот парень застал меня, прежде чем вмешаться, и какой дурой я, наверное, была в его глазах. Но в тот вечер он сказал, что я ни в чем не виновата, и обратился ко мне по имени. Тому, от которого я уже шестнадцать дней пыталась избавиться.

Какую-то долю секунды я надеялась, что молодой человек меня не узнает. Напрасно. Я посмотрела в его пронизательные глаза и поняла, что он все прекрасно помнит. В мельчайших подробностях. Я опять вспыхнула.

– Будете что-нибудь заказывать?

Этот вопрос вывел меня из задумчивости. Голос парня был спокойным, но я чувствовала нетерпение выстроившейся за спиной очереди.

– Гранд-американо, пожалуйста.

Я пробормотала это так невнятно, что даже удивилась, когда молодой человек, не спрашивая, пометил чашку и передал ее своей напарнице. Тут я обратила внимание, что вокруг костяшек его левой руки в два или три слоя намотан бинт. Я подала карту, и парень пробил мой кофе.

– Как дела? Все в порядке?

На первый взгляд это был совершенно дежурный вопрос, но нам двоим виделся в нем скрытый смысл.

Молодой человек провел моей карточкой по щели кассового терминала.

– Да, все нормально. – На костяшках у него была просто ссадина, ничего страшного. Когда он возвращал мне карточку с чеком, его пальцы слегка коснулись моих, и я отдернула руку. – Спасибо.

Он посмотрел на меня широко раскрытыми глазами, но ничего больше не сказал.

– Мне двойной карамельный макиато с обезжиренным молоком, без сливок! – нетерпеливо выкрикнула какая-то девушка из-за моего плеча.

Она не дотронулась до меня, но подошла почти вплотную, и от этого мне стало неуютно. Когда парень перевел на нее взгляд, на его лице отразилось едва заметное раздражение. Он резко назвал ей сумму, помечая стакан, а потом, перед тем как я отошла, еще раз быстро взглянул в мою сторону. Не знаю, смотрел ли он на меня потом. Я ждала свою порцию в другом конце бара, а получив ее, торопливо вышла, вместо того чтобы, как обычно, налить в кофе молока и высыпать три пакетика сахара.

По эконоимке нам читали обзорные лекции, и ходило на них человек двести. По идее это было не так уж трудно – шесть оставшихся недель осеннего семестра не встречаться глазами всего лишь с двумя людьми из этой толпы.

Глава 3

Придя в общежитие после занятий, я сразу же дисциплинированно отписала ассистенту доктора Хеллера, а потом взялась за домашнее задание по истории искусства – эссе про одного из скульпторов-классицистов и его влияние на развитие классицизма в целом. Я мысленно поблагодарила свою нервную систему за то, что по всем предметам, кроме экономики, мне удалось не отстать.

Поскольку Эрин была на работе, я пользовалась возможностью наконец-то спокойно позаниматься. В остальное время она почти постоянно меня отвлекала. Помню, как-то раз я пыталась готовиться к контрольной по алгебре, а моя подруга, сидя в этой же комнатухе, болтала по сотовому: «Эти туфли были нужны мне для работы, папочка! Ты же сам хотел, чтобы я со школьной скамьи знала цену труду. И ты всегда говоришь, что внешний вид может способствовать успеху. Вот я и следую твоим мудрым советам».

Тут Эрин взглянула на меня. Я закатила глаза. Она работала официанткой в модном ресторане в центре города, и это часто служило ей оправданием, если она выходила за пределы суммы, предназначавшейся для пополнения ее гардероба. Туфли за триста долларов были нужны ей для работы, которая приносила девять баксов в час! Эрин подмигнула мне в ответ, и я подавила взрыв смеха. Ее отец всегда сдавался, когда она называла его папочкой.

Быстрого ответа от Лэндона Максфилда я не ждала. Как старшекурсник и наставник многочисленных студентов доктора Хеллера, он наверняка был страшно занят. Да и чего ради ему бросаться помогать отстающей второкурснице, которая пропустила две недели занятий с промежуточной аттестацией и ни разу не была на его семинаре? Я собиралась объяснить ему, что буду усердно заниматься и постараюсь не отнять у него слишком много времени.

Через пятнадцать минут после того, как я отправила письмо, пришел ответ. Лэндон Максфилд писал сухо – в тон мне (я долго не могла решить, обратиться ли мне к нему по имени или по фамилии, и в итоге выбрала более официальный вариант).

Здравствуйте, миз Уоллес!

Доктор Хеллер сообщил мне о том, что Вам необходимо закрыть пропуски по макроэкономике и выполнить задание, за которое Вы получите промежуточную аттестацию. Поскольку профессор разрешил Вам отработать долг, Вы не обязаны объяснять мне причину своего отставания. Я ассистент преподавателя, и помогать отстающим – моя работа.

Мы могли бы встретиться в кампусе, желательно в библиотеке, и обсудить Ваш проект. Задание серьезное и потребует от Вас большой самостоятельной работы. Доктор Хеллер объяснил мне, в какой степени я должен Вам помогать. Прежде всего он хочет увидеть, что Вы способны сделать сами. Но общие установки я Вам, конечно же, дам.

Мои семинары проходят с 13:00 до 14:00 по понедельникам, средам и четвергам. Однако эти занятия посвящены не пройденному материалу, а тому, который изучается на лекциях в данный момент. Вам же, я думаю, нужна помощь в освоении тех тем, что Вы пропустили за последние две недели. Сообщите мне, когда Вы могли бы приходить на индивидуальные занятия, и мы договоримся о встрече.

ЛМ

Я стиснула зубы. Письмо было безукоризненно вежливое, но от него пахло снисходительным высокомерием. А что означала подпись – ЛМ? Это был знак дружелюбия,

небрежность или ирония над моей попыткой произвести впечатление серьезной, зрелой студентки? В своем послании я намекнула на личные обстоятельства, помешавшие мне ходить на лекции. Надеюсь, что Максфилд не станет расспрашивать о деталях. Но он не просто дал понять, что не хочет знать этих деталей, а еще и продемонстрировал свое презрение ко мне как к девушке, которая не умеет разделять учебу и личную жизнь.

Перечитав письмо, я только сильнее разозлилась. Так, значит, он считает, что я тупая и не в состоянии сама освоить пропущенный материал?

Мистер Максфилд!

Я не смогу посещать Ваши семинары, потому что по понедельникам и средам с 13:00 до 14:30 у меня лекции по истории искусств, а в четверг после обеда я преподаю в школе. Я живу в кампусе и свободна по понедельникам и средам в конце рабочего дня, а также почти каждый вечер и по выходным (если не занимаюсь с учениками). Я начала разбирать материал по ВВП, инфляции и индексу потребительских цен. Выполняю задания в конце девятой главы. Если мы с Вами встретимся и Вы объясните мне, в чем должен заключаться мой проект, со всем остальным я вполне справлюсь сама.

Жаклин

Я нажала «отправить» и секунд двадцать чувствовала себя на коне. Но на самом деле я едва заглянула в девятую главу. А комментарии к диаграммам спроса и предложения казались мне тарабарщиной, куда для прикола напихали значков «\$» и других непонятных загогулек. Что касается ВВП, то я просто знала, как расшифровывается это сокращение. Приблизительно.

Боже мой, что я наделала! Я высокомерно отклонила помощь человека, которому поручил меня профессор, хотя был вовсе не обязан давать мне второй шанс. Но дал.

Услышав характерный сигнал, я нервно сглотнула и открыла папку «Входящие»: Лэндон Максфилд прислал ответ.

Жаклин!

Если Вы предпочитаете осваивать материал самостоятельно, то это, конечно, Ваше право. Тогда я подготовлю то, что нужно для Вашего проекта, и давайте встретимся, к примеру, в среду после 14:00. Вас это устроит?

ЛМ

P. S. А что Вы преподаете?

Судя по всему, он на меня не рассердился. Ответ был вежливый, даже милый. А я, когда писала свое предыдущее письмо, так разнервничалась, что потеряла способность трезво мыслить.

Лэндон!

Я даю уроки игры на контрабасе ученикам средних и старших классов, которые занимаются в школьном оркестре. Только что вспомнила: я обещала двум своим ребятам в среду днем отвезти их инструменты на конкурс. (У меня грузовичок, в котором я, кроме собственного контрабаса, постоянно перевожу чужие инструменты, диваны, матрасы...)

Может быть, мы могли бы встретиться как-нибудь вечером? Или в субботу?

ЖУ

Я играю на контрабасе с десяти лет. В четвертом классе, через две недели после начала учебного года, один из двух контрабасистов нашего оркестра гонял в футбол и сломал себе

ключицу. Тогда миссис Пибоди, руководительница оркестра, попросила, чтобы контрабас попытался освоить кто-нибудь из многочисленных скрипачей. «Есть желающие?» – пропихнула она. Поскольку других охотников не было, я подняла руку.

Даже инструмент-половинка оказался для меня слишком большим. Чтобы играть на нем, я вставала на скамеечку, чем ужасно веселила весь оркестр. Вообще в школе надо мной не переставали смеяться до самого выпуска.

А мама спрашивала меня: «Солнышко, разве играть на контрабасе не странно для девочки?» В свое время она мечтала, чтобы я стала пианисткой, и обиделась, когда я предпочла скрипку, ну а этот мой новый выбор нравился ей еще меньше. «Может быть», – отвечала я, в упор глядя на маму, а та закатывала глаза. Она так и не смирилась с моим контрабасом, который я очень полюбила за то, что он задает направление оркестровому исполнению любой вещи.

Соперники по региональным конкурсам всегда смотрели на меня свысока. Им казалось, что если я девочка, то, значит, не могу играть так же хорошо, как они. А потом оказывалось, что я играю лучше.

К пятнадцати годам я доросла до своих нынешних пяти с половиной футов⁵ и перешла на контрабас размером в три четверти. Обходилась без всяких скамеечек, хотя и с трудом.

В течение года я давала уроки школьникам. Все мои ученики были мальчики и при первой встрече смотрели на меня негодуя – до тех пор, пока я не начинала играть.

Жаклин!

Контрабас? Это интересно.

К сожалению, до конца недели у меня все вечера заняты, в выходные я тоже редко бываю свободен. Но как-нибудь мы с Вами обязательно встретимся, а чтобы Вы не тратили времени даром, я Вам через несколько часов вышлю необходимую информацию о проекте, и мы сможем все обсудить по электронной почте. Согласны?

ЛМ

P. S. Буду иметь Ваш грузовик в виду на случай, если куплю что-нибудь громоздкое или соберусь переезжать.

Спасибо, Лэндон, это было бы здорово. (Я о пересылке информации по проекту, а не о Вашем намерении бессовестно эксплуатировать меня и мой грузовичок. Вы, я смотрю, ничем не лучше моих друзей, которые экономят немалые деньги на аренде транспорта и плате водителю, а в благодарность покупают мне пиво.)

ЖУ

Жаклин!

Я пришлю Вам материал по вашему проекту, как только доберусь до дому, и мы все обсудим.

Кстати, бартер, или меновая торговля, – это не что иное, как первобытная экономика в действии. (А Вам уже можно пить пиво?)

ЛМ

Лэндон!

⁵ Около 168 см (один фут равняется 30,48 см).

Я совсем даже не против того, чтобы в своих интересах использовать пережитки первобытной экономики. Пусть лучше друзья платят мне пивом, чем не платят вообще. Что касается моего возраста, то, мне кажется, Ваша ассистентская должность не обязывает Вас вникать в такие подробности.

ЖУ

Жаклин!

Пардон, я просто боялся, что Вы окажетесь несовершеннолетней и захотите упрятать меня за решетку, если я предложу Вам алкоголь. Но верю, что Вы этого не сделаете. И Вы правы, бедные безлошадные студенты вроде меня должны уважать старые проверенные способы решения транспортных проблем.

ЛМ

Увидев, как легко Лэндон признается в том, что у него нет машины, я улыбнулась. Улыбка сошла с моего лица при мысли о Кеннеди, который так чванился своим авто. Незадолго до окончания школы его родители отдали «мустанга», на котором он проездил два года, шестнадцатилетнему брату взамен недавно разбитого джипа. Ну а Кеннеди в качестве подарка по случаю предстоящего выпуска они купили новенький «БМВ» – черный, блестящий, с дорожными кожаными сиденьями, стереосистемой, которую было слышно за квартал, и кучей других модных наворотов.

«Черт! – подумала я. – Пора бы перестать всех и вся сопоставлять с Кеннеди». Тут до меня дошло, что мне по-прежнему ужасно его не хватает. За три года мы друг к другу очень привыкли, но он ушел и отвык, а я вот все никак. Я до сих пор связывала с ним свое настоящее и будущее и только теперь начинала мириться с мыслью о том, что он уже в прошлом. Я решила посмотреть правде в глаза, хоть это было и больно.

* * *

Как только мы поступили в университет, Кеннеди записался в мужской студенческий клуб, где состоял его отец. Я не разделяла стремления своего парня непременно влиться в какую-нибудь группу и сама не спешила вступать ни в одно из аналогичных женских обществ. Кеннеди это не слишком-то беспокоило: главное, чтобы я не мешала ему развивать навыки общения, так необходимые для будущего политика. Как-то раз он даже сказал:

– Прикольно, что ты у меня ЧНД!

– А что такое ЧНД?

– Чертовски независимая девушка! – рассмеялся он.

До сих пор мне не приходило в голову, что тогда, почти три недели назад, он не только ушел от меня сам, но и увел за собой чуть ли не всех, кто составлял мой тщательно подобранный круг общения. Без Кеннеди меня перестали приглашать на вечеринки. Конечно, Чез и Эрин иногда брали меня с собой, но лишь постольку, поскольку я входила в список вещей, которые приветствуются на любых тусовках: алкоголь и девочки – это никогда не лишнее. Ужас. Из «чрезвычайно независимой девушки» я превратилась в предмет праздничной обстановки.

Встречи с бывшими друзьями получались в лучшем случае неловкими. Целую неделю ребята из мужского клуба каждое утро продавали кофе, сок и выпечку прямо под дверью главного библиотечного корпуса: собирали деньги на проведение тренинга по развитию

лидерских способностей. А девицы из общества «Дельта-дельта-дельта»⁶ разбили на газоне палатки, возле которых дымились портативные грили. Это должно было привлечь всеобщее внимание к проблемам бездомных людей. (Я тогда спросила у Эрин: «Интересно, все бомжи вынуждены возиться с грилями „Коулман“ и другим дорогостоящим туристским инвентарем?» – а она фыркнула: «Я им говорила, что это нелепо, но все как об стенку».)

Короче, куда бы я ни направилась из своей общаги, мне обязательно встречались люди, с которыми у нас еще совсем недавно были прекрасные отношения. Но теперь от меня прятали глаза, хотя кое-кто махал рукой или улыбался, прежде чем сделать вид, будто не может оторваться от какого-то очень важного разговора. Еще меньше было тех, кто бросал мне: «Привет, Джеки!» Я не стала говорить этим ребятам, что меня больше так не зовут.

Первое время Эрин твердила, будто мне просто кажется, что от меня все шарахаются. Но через две недели она была вынуждена признать: «Когда пара распадается, людям приходится делать выбор, с кем из бывших партнеров они будут проявлять солидарность. Такова человеческая природа. Ну а вообще... Как это трусливо!» Видимо, не зря Эрин ходила на лекции по психологии. Но подруга взяла в ней верх над беспристрастным психологом, и мне это было очень приятно.

Я не удивилась, что, выбирая между мной и Кеннеди, почти все предпочли его. Ведь, в конце концов, для них он был свой. Общительный, обаятельный парень, настоящий будущий лидер. А я была его девушкой – тихой, милой, но немного странной. После разрыва наших с ним отношений для всех, кроме Эрин, я стала просто студенткой, не состоящей ни в каком союзе.

Во вторник мы столкнулись с нашей «правлящей четой», Кэти и Ди-Джеем: она возглавляла общество, куда вступила Эрин, а он был вице-президентом клуба Кеннеди.

– Привет, Эрин, классно выглядишь! – сказала Кэти так, будто меня рядом не было.

А Ди-Джей дотронулся до подбородка и, скользнув по мне взглядом, улыбнулся моей подруге. Как и его пассия, он предпочел меня не заметить.

– Спасибо, – ответила Эрин, а потом, беря меня под руку, пробурчала: – Вот жопы надутые!

Больше года назад, когда я только приехала в общагу, я ужасно боялась, что меня поселят с ненормальной активисткой какого-нибудь студенческого движения. В первый момент мне показалось, что именно это и произошло. Эрин обосновалась в комнате первой и сразу же заняла кровать у окна. Над изголовьем она повесила четыре огромные позолоченные буквы своего имени и блестящие золотисто-голубые помпоны, с которыми прыгала в группе поддержки школьной футбольной команды. Вокруг были расклеены коллективные фотографии со спортивных мероприятий и портреты здоровенных футболистов.

Я остановилась в изумлении: благодаря обилию блесков и фольги половина комнаты превратилась в нечто светоотражающее. Эрин вывела меня из оцепенения, подскочив к двери с криком:

– Привет! Я Эрин! А ты, наверное, Жаклин?

«Ясен хрен!» – чуть было не ответила я, но сдержалась.

– Раз тебя не было, я решила выбрать себе кровать. Ты же не против? Я уже почти распаковалась и могу помочь тебе.

Тут она схватила мою самую тяжелую сумку и швырнула ее на постель.

– Возле двери я повесила доску, чтобы мы могли оставлять друг другу записочки. Вообще-то, так посоветовала моя мама, но, по-моему, идея неплохая?

Я, моргая, уставилась на это существо с нечесаной медно-рыжей шевелюрой и в форменной университетской футболке почти того же цвета.

⁶ «Дельта-дельта-дельта» – женское студенческое общество, основанное в 1888 г. в Бостонском университете.

– Угу, – пробормотала я, глядя, как новоиспеченная подруга расстегивает сумку и вытаскивает оттуда мои пожитки.

Видимо, произошла какая-то ошибка. Перед тем как поселиться в общежитии, я заполнила длинную анкету, где описала соседку своей мечты. Эрин, как мне показалось, не обладала ни одним из перечисленных мною качеств. Мне хотелось жить с собственным подобием: книжным червем в юбке, тихоней, которая будет вовремя ложиться спать, а не таскаться по тусовкам. Я надеялась, что парни не станут ходить к нам табунами и наша комната не провоняет пивом.

– Обычно меня называют Джеки, – сказала я.

– Джеки – здорово! Но, согласись, Жаклин тоже очень красиво, – по-моему, это звучит утонченно. Тебе хорошо, есть из чего выбрать. А я просто Эрин, без вариантов. И то ладно: по крайней мере, нормальное имя, да? Ну что, Джеки, куда мы повесим этот постер?.. Кстати, кто это? – спросила она, схватив фотографию одной из моих любимых певиц, которая, как и я, играет на контрабасе.

– Эсперанса Сполдинг.

– Никогда не слышала. Но она симпатичная.

Эрин взяла горсть кнопок и, запрыгнув ко мне на кровать, приложила постер к стене:

– Может, сюда?

Все это было долгих пятнадцать месяцев тому назад.

Глава 4

В среду утром я прибежала на экономику за минуту до звонка, меньше всего ожидая, что в дверях столкнусь с Кеннеди. Он стоял у входа в аудиторию и, прислонившись к стене, обменивался номерами с какой-то девчонкой из общества «Дзета». Она сфотографировалась на его мобильный и, хихикнув, вернула аппарат владельцу. Он проделал с телефоном своей поклонницы то же самое и осклабился, глядя на нее сверху вниз. Мне он больше так улыбаться не будет.

Я поняла, что стою столбом, лишь когда один из однокурсников толкнул меня и я уронила свой тяжеленный рюкзак. Парень пробормотал извинение, по тону больше похожее на «Брысь с дороги!».

Надеясь, что Кеннеди и девица меня не заметили, я наклонилась за рюкзаком. Но в этот момент за его лямку уже взялась чья-то чужая рука. Я выпрямилась и увидела перед собой ясные серо-голубые глаза.

– Рыцарство у нас еще никто не отменял! – Это был тот самый спокойный низкий голос, который я уже слышала и в субботу ночью, и в понедельник днем в «Старбаксе».

– А?

Он водрузил рюкзак обратно на мое плечо.

– Ну и засранец! – Юноша указал на того, кто меня толкнул, но готова поклясться, что глазами он в этот момент сверлил моего бывшего, который, смеясь, заходил в аудиторию вместе с девушкой. Она была в оранжевых спортивных штанах с надписью «Дзета» на заднице. – Все в порядке?

Он уже в третий раз задавал мне такой вопрос, и опять его слова звучали не просто как обычная вежливость.

– Да, спасибо.

Ничего не поделаешь: снова пришлось соврать. Я развернулась, вошла в аудиторию, села на свое новое место и первые сорок пять минут старалась не отвлекаться от доктора Хеллера, доски и конспекта. Послушно перерисовывая графики краткосрочного равновесия и совокупного спроса, я поняла, что для меня все это полная абракадабра и рано или поздно придется молить Лэндона Максфилда о помощи. А моя гордость поможет мне только увязнуть еще глубже.

За несколько минут до конца занятия я полезла в рюкзак, чтобы под этим предлогом втихоря взглянуть на парня в заднем ряду. Он рассеянно тыкал в блокнот черным карандашом и смотрел на меня, свесив локоть со спинки стула и небрежно поставив ногу на перекладину под партой. Когда наши глаза встретились, неясное выражение его лица сменилось осторожной, но нескрываемой улыбкой. Я сунулась в рюкзак, потом снова посмотрела на парня, а он все не отводил взгляда. Отвернувшись, я почувствовала, что лицо мое потеплело от прилива крови.

На протяжении трех прошедших лет молодые люди проявляли ко мне интерес, но никто, кроме Кеннеди, меня не волновал, не считая пары мимолетных тайных увлечений: однажды мне понравился преподаватель по контрабасу (он был студентом колледжа, как я сейчас), а в другой раз – напарник, с которым мы вместе делали лабораторную по химии.

Перестав вслушиваться в слова профессора, я принялась размышлять над тем, чего больше в моем чувстве к сероглазому молодому человеку: затянувшейся неловкости, благодарности за то, что тот спас меня от Бака, или простого влечения? Наверное, всего было поровну.

Лекция закончилась. Я стала запихивать вещи в рюкзак, стараясь больше не смотреть на того парня и специально подольше не вставая, чтобы Кеннеди и его поклонница успели выйти. Когда я наконец-то поднялась, мой вечно сонный сосед вдруг спросил:

– Слушай, он вроде бы говорил про какие-то дополнительные задания? Я, похоже, как раз в этот момент вырубился и теперь не могу разобрать, что понаписал. – (Я заглянула в его блокнот: каракули действительно были нечитаемые.) – Кстати, я Бенджи.

– Мм... Сейчас посмотрю. – Я принялась листать свою тетрадь, ища в ней нужное место. – Вот. – Глядя, как мой сосед переписывает задание, я добавила: – Меня зовут Жаклин.

Бенджи был из тех парней, которых половое созревание не украсило. Весь лоб у него вызвездило прыщами. Переросшие волосы кудрявились: опытный стилист смог бы их укротить, но он, похоже, предпочитал стричься за восемь долларов в парикмахерской, где круглые сутки включен канал И-эс-пи-эн⁷. Судя по не слишком стройному туловищу, завсегдатаем нашего навороченного спортивного зала Бенджи не был. На растянутой футболке красовалась какая-то надпись с претензией на остроумие – я предпочла не вникать. Выручала его только обворожительная улыбка, от которой появлялись милые лучики в уголках выразительных светло-карих глаз.

– Спасибо, Жаклин. Я спасен. Мне до зарезу нужно сделать дополнительные задания, чтобы получить лишний балл. Увидимся в пятницу. – Бенджи захлопнул тетрадь и, просто-душно улыбаясь, добавил: – Если, конечно, я случайно не просплю всю пару.

Я улыбнулась в ответ и направилась к проходу:

– Всегда пожалуйста.

Неужели мне удастся завязать какие-то знакомства за пределами круга Кеннеди? После нашего расставания, когда почти все люди, которых я считала и своими друзьями тоже, перебежали на сторону моего бывшего, до меня дошло, как сильно я от него зависела. Эта мысль меня слегка потрясла. Почему она раньше никогда не приходила мне в голову? Наверное, потому, что я считала, будто мы с Кеннеди вместе навек. Глупо и наивно было так думать – теперь это казалось очевидным.

* * *

В аудитории почти никого не осталось. Парень из последнего ряда уже вышел. Меня вдруг кольнуло разочарование, конечно же беспричинное. Ну пялился он на меня во время лекции, дальше что? Может, ему просто скучно было или он вообще на занятиях смотрит куда угодно, только не на доску.

Выйдя из аудитории, я заметила его в битком набитом коридоре. Мой субботний спаситель разговаривал с однокурсницей. Выглядел он несколько небрежно: одна рука в переднем кармане джинсов, темно-синяя рубашка расстегнута, под ней простая серая майка. Было заметно, что живот у него плоский, но мышцы рук не угадывались под длинными рукавами. В любом случае сомневаться в физической форме этого парня мне не приходилось, раз он так легко уложил Бака на землю. За ухом у молодого человека торчал черный карандаш, почти полностью скрытый под темной всклокоченной шевелюрой (виднелся только розовый ластик на конце).

– Групповые дополнительные занятия, говоришь? – спросила девушка, снова и снова накручивая на палец светлую прядь. – Часовые?

Он поправил на плече рюкзак и откинул со лба волосы, которые лезли в глаза.

– Да. С часу до двух.

⁷ И-эс-пи-эн – кабельный спортивный телеканал.

Он посмотрел на нее. Она наклонила голову и несколько раз мягко переступила с ноги на ногу, как будто собиралась танцевать с ним. Или для него.

– Может, загляну. А что ты делаешь потом?

– Работаю.

Девушка с раздражением выдохнула:

– Вечно ты работаешь, Лукас!

Если девочка старше шести лет разговаривает капризным тоном, надув губки, меня это раздражает почти так же, как когда ногтем скребут по классной доске. Но все равно спасибо: теперь я хотя бы узнала, как его зовут.

Тут он посмотрел в мою сторону, будто почувствовал, что я стою и подслушиваю. Я развернулась и дала деру, но, пожалуй, слишком поздно: мне не удалось скрыть, насколько меня заинтересовал этот разговор. Пробравшись сквозь толпу, я улизнула через боковой выход.

Теперь мне точно было нечего делать на дополнительных семинарах по экономике, раз туда ходил Лукас. Не знаю, что он хотел сказать (или он ничего не собирался говорить?), когда пялился на меня на лекции, но взгляд его был слишком пристальным, и от этого мне стало не по себе. К тому же я была все еще в трауре после разрыва с Кеннеди и пока не находила в себе сил для новых отношений. Да может, Лукас и не имел в виду ничего такого? Злая сама на себя, я раздосадованно закатила глаза: мол, едва ко мне проявили малейший интерес, я тут же выдумываю бог знает что.

Глядя со стороны, можно было предположить, что для этого парня обычное дело, если девицы вроде той блондинки вешаются ему на шею. Мой бывший тоже к этому привык. Как президент сначала класса, а потом курса, Кеннеди всегда был своего рода местной знаменитостью и ловил от этого кайф. Последние два школьных года я старалась не обращать внимания на девчонок, которые бросали на нас завистливые взгляды в надежде, что скоро он меня бросит. Мне это и в голову не приходило. Когда мы уезжали в колледж из родного города, я была абсолютно уверена в постоянстве бойфренда. Оказалось, зря: интересно, как долго еще я буду чувствовать себя набитой дурой?

* * *

Привет, Лэндон!

Материал, который я пропустила, оказался для меня совсем не таким легким, как я пыталась изобразить. А выбраться на твои семинары, боюсь, все-таки не получится. Так что для нас обоих было бы лучше, если бы мой парень бросил меня пораньше, когда я еще могла переписаться на какой-нибудь другой предмет. (Не хочу обидеть. Ты ведь, наверное, экономист, и тебе нравятся все эти схемы и диаграммы.)

Я начала читать в Интернете статьи, которые могут пригодиться для проекта. Спасибо, что расшифровал заметки доктора Хеллера перед тем, как отправить мне их. Без «перевода» я бы побежала искать небоскреб/мост/водонапорную башню, чтобы крикнуть оттуда: «Прощай, жестокий мир!»

ЖУ

Привет, Жаклин!

Пожалуйста, никаких прыжков с высотных сооружений. Представь, как это отразится на моей ассистентской репутации. Если на все остальное тебе наплевать, подумай хотя бы обо мне. :)

Я составляю для своих семинаров вопросники. Посылаю те, что касаются материала трех последних недель. Используй их как план по изучению темы или можешь заполнить и прислать мне. Тогда мы посмотрим, где у тебя сложности.

Вообще-то, я инженер, но экономика для нас обязательный предмет. Мне кажется, она никому не повредит. Ведь с ее помощью можно понять, как деньги, коммерция и политика взаимодействуют друг с другом, поддерживая тотальный хаос нашей экономической системы.

ЛМ

P. S. Как конкурс? А твой парень, кстати, наверняка идиот.

Я скачала вопросные листы, размышляя над заключительной фразой письма. Интересно, он знает Кеннеди или нет? Скорее всего, нет, ведь у них разные специальности, а университет огромный. В любом случае Лэндон встал на мою сторону – сторону девушки, которая так психанула из-за разрыва с парнем, что две недели не ходила на занятия.

Мы переписывались всего три дня, но этот молодой человек уже казался мне милым и остроумным, и я с нетерпением ждала, когда его имя снова появится на первой строке входящих. Мне нравилось, как мы с ним беззлобно подтруниваем друг над другом. Внезапно мне стало интересно, как он выглядит. Господи боже мой! Ведь только вчера я решила игнорировать пристальные взгляды парня из последнего ряда, чтобы дать себе возможность оклематься после предательства Кеннеди. И вот я уже думаю об ассистенте, который может оказаться похожим на актера Чейса Кроуфорда... Или на Бенджи. Не важно: эти мысли все равно лучше выбросить из головы. Мне и правда нужно время, чтобы прийти в себя, даже если Лэндон прав и Кеннеди действительно идиот.

Открыв первый вопросник и учебник по экономике, я облегченно вздохнула.

Лэндон!

Теперь я уже не так боюсь провалиться: твои вопросные листы очень мне помогли. Я заполнила первые два. Может, согласишься, когда появится свободная минутка? Еще раз спасибо за то, что тратишь на меня время. Я постараюсь побыстрее все наверстать. Не привыкла быть ниже плинтуса.

У меня занимаются два парня из конкурирующих школ, они вечно соперничают друг с другом на конкурсах. Каждый из них спросил меня (с глазу на глаз, слава богу), кто мой любимый ученик, и я обоим ответила: «Конечно ты!» (Это было очень неправильно, да?) Они держались как два индюка, когда доставали контрабасы из моей машины, а я молилась, чтобы кто-нибудь из них не вздумал похвастаться своим статусом «фаворита». Ну что тут скажешь – мальчишки!

Здорово, что ты инженер. Теперь понятно, почему ты такой умный.

ЖУ

Жаклин!

Вопросные листы выглядят очень даже неплохо. Правда, я отметил там кое-какие небольшие ошибки, из-за которых на экзамене можно попасть в ловушку. Обрати на них внимание.

А твои ребята, похоже, по уши в тебя втрескались. И неудивительно. Если бы мне было четырнадцать, я бы тоже до потери пульса влюбился в студентку колледжа, которая играет на контрабасе.

Я умный, этого у меня не отнять! Я всезнающий ассистент преподавателя по экономике. И если тебе, конечно, интересно, моя любимая ученица – ты. :)

ЛМ

* * *

В субботу вечером Эрин, несмотря на все мои протесты, опять принялась угрожать, что силком вытащит меня из общаги. На этот раз мы втроем должны были нагрнуть в клуб по фальшивым удостоверениям.

– Забыла, как закончилась для меня прошлая вечеринка? – спросила я.

Эрин сунула мне в руки облегающее черное платье. Разумеется, она не могла ничего помнить. Я ведь ей не сказала. Знала она только то, что я рано слиняла.

– Жаклин, детка, это трудно, не спору. Но Кеннеди может слишком много о себе возомнить. Ты не должна из-за него превращаться в монашку, не должна бояться встречаться с незнакомыми людьми. Боже мой, это же здорово – снова выйти на охоту! Вокруг все новое, неизведанное, полно заманчивых возможностей – только руку протяни. Если бы я не втюрилась в Чеза так сильно, я бы тебе даже позавидовала.

В описании Эрин поход в клуб представлял экспедицией на экзотический континент. Я совсем не разделяла ее восторга. Мысль о новом парне вгоняла меня в депрессию.

– Эрин, мне кажется, я еще не готова.

– Ты и на прошлой неделе так говорила, но все же было нормально! – Тут она, нахмурившись, призадумалась, и я в сотый раз чуть было не рассказала ей про Бака. – Хоть ты и ушла так рано.

Платье, которое я категорически отвергла, отправилось обратно в шкаф. А я прикусила язык, опять упуская возможность все выложить. Не знаю почему, но признание будто застревало у меня в горле. Наверное, я боялась, что подруга придет в ярость. А еще я боялась (хотя это и казалось мне менее вероятным), что она не поверит. Ни та ни другая реакция меня бы ни порадовала. Хотелось просто все забыть.

Я с раздражением подумала о Лукасе: его присутствие на лекциях по экономике никак не позволяло мне избавиться от тяжелых воспоминаний. Для меня он был неразрывно связан с той ужасной ночью. В пятницу он, кажется, совсем на меня не смотрел. Несколько раз я оборачивалась: вместо того чтобы конспектировать лекцию, он что-то рисовал черным карандашом. Лицо у него было сосредоточенное. Как только занятие закончилось, Лукас засунул карандаш за ухо и, ни разу не оглянувшись, первым вышел из аудитории.

Эрин прервала мои раздумья:

– Вот это будет тебе в самый раз. – Она достала из шкафа облегающий сиреневый топ с глубоким вырезом и, сдернув его с вешалки, кинула мне. – Надень с обтягивающими джинсами и с теми грубыми ботинками, в которых ты похожа на подружку гангстера. Получится круто – во всяком случае, подойдет к твоему нынешнему стилю «со мной шутки плохи». Ты, конечно, должна одеваться так, чтобы привлекать парней, но наряжать тебя как принцессу, по-моему, бесполезно. Ты ведь все равно начнешь бросать сердитые взгляды и раздраженно закатывать свои голубые глаза, так что все пацаны струсят и убегут.

Я вздохнула, а Эрин, смеясь, сама влезла в забракованное мною черное платье. Она знала меня слишком хорошо.

* * *

Я потеряла счет бокалам, которые подсовывала мне подруга. Эрин говорила, что если она за рулем, то я должна пить за двоих.

– Эти красавчики не для меня, как и спиртное, а вот тебе я времени зря терять не позволю. Допивай свою «Маргариту», кончай хмуриться и погляди на того чувака. Авось сообщит, что от него не убудет, если он пригласит тебя потанцевать.

– Я не хмюрюсь! – нахмурилась я и, послушно опрокинув в себя содержимое бокала, скривила физиономию.

Низкое качество текилы было плохо замаскировано обилием остальных, еще более дешевых коктейльных ингредиентов. Но чего ждать от заведения, где не берут плату за вход, а напитки стоят пять долларов?

Было сравнительно рано. Сотни студентов и городских еще не успели наводнить маленький клуб, где мы решили обосноваться. Эрин, Мэгги и я заняли угол почти пустого танцпола. Выпив свои коктейли и расчесав волосы на пробор, я начала двигаться под музыку. Я посмеивалась, глядя на бодрые скачки Эрин и балетные позы Мэгги. Напряжение стало понемногу отпускать. Первый парень, который к нам подошел, пригласил Эрин, но она покачала головой, судя по движениям губ сославшись на своего бойфренда, и указала молодому человеку на меня. В этот момент мне подумалось: «Вот она я – одинокая девушка. У меня нет больше парня, нет Кеннеди. Он никогда уже не скажет мне: „Ты моя, Джеки“».

– Потанцуем? – прокричал молодой человек, переминаясь так, будто готовился тут же дать деру, если я откажусь.

Но я согласилась, пересилив беспричинную, почти физическую боль. Впервые за три года я была ничьей девушкой.

Мы вышли на открытый пятачок в нескольких футах от моих подруг. У Мэгги тоже имелся дружок. Нетрудно было догадаться, что каждого парня, который к ним подойдет, они собирались перенаправлять ко мне. Этот вечер девчонки решили посвятить устройству моей личной жизни.

За следующие два часа я перетанцевала с таким количеством кавалеров, что всех было и не упомнить. Я терпеливо возвращала на место руки, слишком низко сползавшие с моей талии, и отказывалась от напитков, кроме тех, что предлагала мне Эрин. Мы с девчонками подошли к барной стойке и оперлись на высокие стулья; жизнь вокруг нас была ключом. Мэгги, выписывая пируэты, направилась в туалет, а когда вернулась, я спросила, не пора ли нам домой. Эрин смерила меня взглядом, который обычно берегла для невоспитанных завсегдатаев стейк-хаусов. Я виновато улыбнулась и принялась за свой коктейль.

Вдруг Эрин и Мэгги одновременно вытаращили глаза и кивнули на что-то у меня за плечом. Значит, ко мне подошел очередной парень и они его одобряют. Пальцы дотронулись до моей руки. Я сделала глубокий вдох, медленно выдохнула и только потом обернулась. Позади меня стоял Лукас. Его взгляд долю секунды задержался на моем декольте, но он, нисколько не смутившись, приподнял брови и с легкой улыбкой поглядел мне в глаза. Каблуки моих ботинок были достаточно высокими для того, чтобы у меня болели ноги, но я все равно не могла смотреть Лукасу прямо в лицо, не задирая голову.

Он не стал кричать, как делали все, а наклонился к моему уху и спросил:

– Потанцуешь со мной?

Я почувствовала его теплое дыхание и вдохнула выдержанный мужской аромат лосьона после бритья. Лукас выпрямился и опять посмотрел мне в глаза, ожидая ответа. Тут я почувствовала энергичные толчки в спину. Это означало, что Эрин голосует за: мол, иди же, танцуй с ним!

Я кивнула, и Лукас за руку повел меня на танцпол сквозь толпу, которая перед ним легко расступалась. Мы вышли на истертый дубовый паркет. Лукас повернулся ко мне и, не выпуская моих пальцев, притянул меня к себе. Поймав ритм медленного танца, мы стали плавно раскачиваться под музыку. Он взял мою вторую руку и завел ее мне за спину, ласково беря меня в плен. Моя грудь слегка касалась его груди, и я изо всех сил старалась не дышать слишком глубоко.

Другим парням я в тот вечер едва позволяла до себя дотрагиваться и поэтому наотрез отказывалась от приглашений на медленные танцы. После коктейлей (они были слабоалкогольные, зато выпила я их немало) у меня кружилась голова. Партнер вел, а я закрыла глаза, убеждая себя в том, что моя внезапная податливость объясняется только действием алкоголя и ничем больше. Через минуту Лукас выпустил мои пальцы: теперь обе его руки были у меня на спине, а мои легли на его бицепсы – крепкие, как я и предполагала. Поднявшись выше, я нащупала такие же сильные плечи. Наконец мои пальцы сцепились у Лукаса на шее, и я открыла глаза.

Он будто прозревал меня насквозь. В этом молчаливом взгляде не чувствовалось ни малейшей неуверенности. Мой пульс участился.

Собравшись с силами, я потянулась вверх, а Лукас, заметив это, предупредительно наклонился.

– Какая у тебя специальность? – выдохнула я.

Краем глаза я увидела, как он вздернул уголок рта.

– Тебе правда хочется об этом говорить?

Как будто бы для того, чтобы лучше расслышать мой ответ, Лукас еще крепче прижал меня к себе. Мы соприкасались друг с другом от груди до бедер. Я не могла даже вспомнить, когда я в последний раз ощущала такое явное, настолько необоримое притяжение к мужчине. Я сглотнула:

– А о чем нам еще говорить?

Он усмехнулся, и я грудью почувствовала, как встрепенулась в этот момент его грудь.

– Можно и ни о чем.

Руки Лукаса крепче сжали мою талию. Большими пальцами он упирался мне в ребра. Я моргнула, сперва не уловив смысла его слов, а потом поняв сразу все.

– Не знаю, о чем ты... – соврала я.

Он наклонился еще ближе и, щекокнув мою щеку своей, гладковыбритой, пробормотал:

– Знаешь...

Я снова почувствовала его аромат – чистый и тонкий, столь непохожий на запах модных одеколонов, которыми пользовался Кеннеди (они всегда перебивали любые мои духи). Мне захотелось дотронуться кончиками пальцев до лица Лукаса, провести ими по свежесбритой щеке. Вчера он тоже был привлекателен, но немного неряшлив. Ну а сегодня прикосновение его кожи будет мягким, если он вдруг захочет крепко меня поцеловать. Я бы тогда ничего уже не чувствовала – только его губы и, может быть, еще тоненькое серебряное колечко.

От сбивчивых мыслей у меня перехватило дыхание. Лукас только дотронулся ртом до краешка моего уха, но и от этого я чуть не потеряла сознание.

– Давай просто потанцуем.

Отстранившись ровно настолько, чтобы посмотреть мне в глаза, Лукас снова прижал меня к себе, и мои ноги послушно пошли туда, куда он меня вел.

Глава 5

– Офигеть! Что это был за потрясный парень? – Эрин демонстрировала маневренность седана «вольво», предоставленного ей ее «папочкой», старательно объезжая подвыпивших людей, которые шатались по парковке. – Если бы не моя убийственная трезвость, я бы подумала, что он порождение моего изголодавшегося по сексу подсознания.

– Пфф! – проворчала я с закрытыми глазами, не поднимая с подголовника тяжелую башку, которая и без того шла кругом. – Только не говори мне про сексуальный голод.

Эрин взяла мою руку и сжала ее:

– Ой, прости, Джей. Я забыла.

С тех пор как мы с Кеннеди расстались, прошло три недели, и об этом все знали. Но я никому не собиралась говорить, что близости между нами не было уже недели четыре или даже пять. Тогда, месяц назад, я почему-то никак не хотела понимать, что мой парень потерял ко мне интерес. Все искала ему оправдания: он, дескать, занят делами студенческого клуба. Меня не смущало, что сама я как-то выкраиваю по меньшей мере два часа каждый день для игры на контрабасе (когда в ансамбле идут репетиции – даже больше), и это не сказывается на наших отношениях. Да, он действительно получал по всем предметам одни «А», но я, помимо учебы, еще и уроки давала.

Через минуту Мэгги пропела с заднего сиденья:

– Ты же не ответила на вопрос, Жаклин! – Она говорила немногим членораздельнее меня и имя мое произнесла по слогам, как два отдельных слова. – Кто тот красавец и, главное, почему ты с его помощью не утолила свой сексуальный голод? Черт возьми, да ради ночи с таким парнем я бы с удовольствием выпинала из постели своего Уилла!

– Потому что ты потаскушка, – произнесла Эрин, выразительно взглянув в зеркало заднего вида.

– Это точно... – засмеялась Мэгги.

Обе подружки молча уставились на меня в ожидании ответа. Я принялась перебирать в голове все, что знала про Лукаса. О том, что он меня спас, я никому не говорила. О том, что сделал из Бака отбивную, тоже. В среду все занятие на меня паялился, а в пятницу даже не взглянул: и об этом я решила промолчать. Еще Лукас работает в «Старбаксе» и постоянно спрашивает, все ли у меня в порядке. Правда, сегодня не спросил.

Сегодня вообще был какой-то особенный день. По молчаливому соглашению мы протанцевали без остановки несколько танцев – самых разных, медленных и быстрых. Все это время Лукас меня не отпускал, вызывая во мне желание, которого я не испытывала очень давно, четыре или пять недель. При этом его руки не сползали с моей талии, и даже пальцы не касались моего тела под тканью топики, но и через материю его прикосновения обжигали.

А потом Лукас вдруг исчез. Наклонившись и почти касаясь губами уха, он поблагодарил меня за танцы, отвел к моему столику и тут же затерялся в толпе. Больше я его не видела. Мне оставалось только предполагать, что он вышел из клуба.

– Его зовут Лукас. Он ходит вместе со мной на экономику. И постоянно что-то рисует. Мэгги захихикала, шлепнув ладошками по кожаному сиденью:

– Рисует? И что же, интересно? Небось голых девочек? У большинства пацанов только на это и хватает таланта. И они даже не целиком девчонок изображают, а частично – одни только титьки.

Мы все посмеялись.

– Не знаю, что он там рисует. Просто в пятницу он все занятие не переставая черкал в блокноте. Видимо, лекцию совсем не слушал.

– О нет, Эрин! – Мэгги подалась вперед, насколько позволял пристегнутый ремень. – Неужели этот божественный мужчина плохой студент! Мы же знаем, что это значит для Жаклин!

Я нахмурилась:

– И что же это значит?

Эрин улыбнулась и покачала головой:

– Да ладно, Джей! Разве тебе когда-нибудь нравились плохие парни или хотя бы те, у которых... хм... проблемы по академической части? Короче, – Эрин выдохнула, – тебе ведь нравятся одни умники!

Я разинула рот:

– Да ну тебя! Ты хочешь сказать, что я сноб?

– Нет! Мы этого не говорили и не имели в виду! Мы только хотели сказать, что сегодня вечером ты не выглядела так, будто тебе наплевать на этого Лукаса, и вы очень долго вместе танцевали... Просто, получается, он не в твоём обычном вкусе, это не совсем твой тип парней.

– Откуда вам знать, какой у меня вкус, если я три года встречалась только с одним «типом» – с Кеннеди!

– Не кипятись. Ты же меня поняла: я хотела сказать, что раньше ты не западала на тупых.

– А кто на них западает?

Меня возмутило, что Лукаса называли тупым. Может, экономика просто была ему неинтересна. А вообще ничто в нём не указывало на недостаток ума.

– Ну здравствуй! – подала голос Мэгги. – Ты моего Уилла видела?

Мы все прыснули со смеху. Парень Мэгги был симпатяга и, лежа на спине, смог бы, наверное, приподнять небольшую «хонду», но успехами в учебе не блистал.

– А Чез умнее меня, но это небольшая заслуга.

У Эрин была средняя оценка «В», и я много раз пыталась убедить подругу в том, что ей грех жаловаться на интеллект. Но она почему-то упорно считала себя глупой. Я ткнула ее в плечо, как делала всегда, если у нее начинался приступ безосновательного самоуничижения, но она ответила:

– Не надо! Я просто смотрю правде в глаза.

– Ничего подобного!

– Тогда почему же я еле свожу концы с концами и одеваюсь в самых паршивых магазинах? – Тут Мэгги хихикнула, а Эрин вернулась к прерванному разговору: – Вы видели парня, с которым мы были на выпускном? – Она нам всем показывала снимок, где Адонис в смокинге обнимал ее за талию, затянутую в шелк. – Мама дорогая, что это было за тело! Мне прямо хотелось облизывать его пресс! И представьте себе, этот парень учился в классе коррекции. При этом, уверяю вас, он был талантлив во многих вещах, не связанных с умственным трудом.

Мэгги задыхалась от смеха, а я наверняка была вся красная: откровения Эрин иногда смущали меня. Обе мои подруги приехали в колледж без парней, но сексуальный опыт у них к тому времени уже был. Я спала с Кеннеди, своим единственным партнером, с зимних каникул последнего школьного года. На нашу сексуальную жизнь я никогда не жаловалась, хотя некоторые рассказы Эрин и статьи в журналах наводили меня на мысль о том, что есть что-то, чего я не знаю.

– Ну и о чем это говорит?

Эрин ослабилась:

– Это говорит о том, что в твоей жизни наконец-то наступает эра плохих парней! Давно пора!

– У-у-ух! – произнесла Мэгги.

– Хм... Не думаю.

– Нечего тут думать, точно тебе говорю! Соблазни этого Лукаса, получи от него все, чего так долго была лишена. С плохими мальчиками мало у кого бывают серьезные отношения, но такие парни прекрасно подходят девчонкам, которых недавно бросили. Может, Лукас создан для того, чтобы быть «временным вариантом», и в твоей нынешней ситуации он для тебя как раз самое то. Он сможет научить тебя разным интересным вещам...

Мэгги одобрила эту идею.

– Везет тебе! – низко, на выдохе, произнесла она.

Я почувствовала дрожь, вспомнив, как руки Лукаса держали меня за талию, а губы касались моего уха. При мысли о том, как он смотрел на меня в среду, я учащенно задышала. Возможно, дело было в выпитых коктейлях и наутро все покажется мне в другом свете, но пока я начинала верить, что бредовая идея Эрин не такая уж и бредовая. Вот черт!

* * *

В понедельник перед экономикой я была вся на нервах. Никак не могла решить, применять ли мне разработанный Эрин план по соблазнению ничего не подозревающего однокурсника или бросить все это, пока не поздно. Лукас вошел в аудиторию передо мной, и я заметила, как он бросил взгляд на мое прежнее место рядом с Кеннеди, который, слава богу, уже явился. На то, чтобы принять решение, у меня оставалось секунд тридцать.

В субботу мы, к счастью, быстро доехали до общаги, но после этого Эрин и Мэгги не сразу успокоились. Подначивая друг друга и распаляясь все больше и больше, девчонки твердили, как им завидно из-за того, что я вот-вот сделаю. Или из-за того, *кого* я вот-вот сделаю. Поскольку в клубе Эрин ничего, кроме низкокалорийных газированных напитков, не пила, наутро она бодро вскочила с постели и, фонтанируя идеями, принялась разрабатывать план операции «Фаза плохих парней».

Чтобы отделаться от подруги, я преувеличивала свое похмелье, но от Эрин, если ей что-то взбрело в голову, так просто не отделаешься. В твердом намерении передать мне весь свой опыт по части соблазнения парней (не важно, хочу я этого или нет) она сунула мне в руки бутылку апельсинового сока, и я, ворча, приняла сидячее положение. Мне хотелось спрятать голову под одеяло и заткнуть уши, но было уже поздно.

Эрин плюхнулась возле меня и начала свою лекцию:

– Главное – это не бояться. Они чувствуют страх и из-за этого сбиваются со следа.

Я нахмурилась:

– Сбиваются со следа? Это же... – Мне хотелось просто сказать: «А-а-а-у!» – потому что более подходящего слова мой сонный мозг выдать не смог.

– Это правда! Послушай, мужчины как собаки. Женщины знают это с древнейших времен. Парни не любят, когда на них охотятся. Они сами охотники. Поэтому, если ты хочешь одного из них сцапать, ты должна сделать так, чтобы он за тобой гонялся.

Я покосилась на нее. Вместо «а-а-а-у!» мне стали приходить в голову слова «примитивно», «пошло», «вульгарно», но поезд ушел. Рассуждения Эрин не должны были меня удивить: она и раньше говорила подобные вещи. Только я думала, что это просто болтовня, а оказалось, это часть мировоззрения моей лучшей подруги.

Пока Эрин разглагольствовала, я успела вылакать полбутылки сока. Наконец я спросила:

– Неужели ты серьезно?

Эрин изогнула бровь:

– С этим не шутят!

* * *

Час пробил: пора было начинать операцию. Я сделала глубокий вдох. До звонка оставалось три минуты. Эрин говорила, что мне понадобится всего одна – максимум две.

– Две – это, пожалуй, многовато. Лучше ограничиться одной, – объясняла моя наставница, – а то он может подумать, что ты к нему неровно дышишь.

Я присела рядом с Лукасом на краешек стула, чтобы было заметно, что я не собираюсь здесь застревать. Он тут же поднял на меня взгляд, а брови его исчезли под волосами, небрежно падавшими на лоб. Ни у кого еще я не видела таких светлых глаз: они были почти прозрачными.

Лукас явно не ожидал, что я к нему подсяду: если верить Эрин и Мэгги, это хорошо.

– Привет! – сказала я с легкой улыбкой, пытаюсь изобразить нечто среднее между интеллектосом и безразличием. Как сказали мне подружки, это ключевая деталь нашего плана.

– Привет!

Он открыл учебник и спрятал под ним свой блокнот. Но я успела заметить детальное изображение всеми почитаемого старого дуба, который рос посреди кампуса, и окружавшей его кованой решетки. Я сглотнула «заинтересованно и безразлично»:

– Знаешь, а я, оказывается, забыла, как тебя зовут. Видимо, позавчера немного не рассчитала с коктейлями.

Он облизал губы и несколько секунд смотрел на меня, прежде чем ответить. Я моргнула, – может, он специально так делает, чтобы мне стало еще труднее изображать равнодушие?

– Меня зовут Лукас. Но по-моему, я тебе этого не говорил.

Тут в аудиторию шумно вошел доктор Хеллер. Его портфель прихлопнуло дверью, и мы услышали отчетливое «Черт возьми!»: в аудитории была прекрасная акустика. Все прыснули, и мы с Лукасом улыбнулись друг другу.

– Мм... Ты, кажется, один раз назвал меня Джеки, – сказала я, а он слегка наклонил голову. – Вообще-то, я Жаклин. Теперь.

Он сделал едва заметное движение бровями:

– Хорошо.

Я прокашлялась, не сдвинувшись с места, чем опять удивила Лукаса, судя по выражению его лица.

– Рада была познакомиться, – сказала я, в очередной раз улыбнувшись, перед тем как броситься на свое место.

Не отвлекаться от лекции и подавлять желание оглянуться было для меня настоящим мучением. Мне казалось, я чувствую, как глаза Лукаса сверлят мой затылок. Ощущение было такое, будто у меня что-то зудит, а почесаться нельзя. Чтобы терпеть такое целых пятьдесят минут и ни разу не обернуться, от меня потребовались прямо-таки титанические усилия. Бенджи, сам того не зная, помогал мне в этой борьбе, развлекая меня своими замечаниями в адрес доктора Хеллера. Каждый раз, когда тот говорил «э-э-э...», мой сосед ставил палочку у себя на полях тетради, а еще он заметил, что на профессоре один носок темно-синий, а другой коричневый.

Как только лекция кончилась, я закинула рюкзак на плечо и, ни на кого не глядя, чуть ли не галопом понеслась к выходу: не стала проверять, как поведет себя Лукас (заговорит со мной или проигнорирует меня?), не стала ждать, пока не выйдет Кеннеди (в течение этого часа я впервые в жизни почти не обращала внимания на своего бывшего). Выскочив на улицу через боковую дверь, я глубоко вдохнула в себя бодрящий осенний воздух. Далее в моем плане значилось: испанский, ланч, «Старбакс».

ЭРИН. Как операция ФПП?

Я. Спросила, как его зовут. Вернулась на место. Больше не смотрела.

ЭРИН. Молодец! Встретимся через занятие. Перед кофе обсудим стратегию. :)

* * *

Мы с Эрин заняли очередь в «Старбаксе». Лукаса видно не было.

– Черт! – Эрин вытянула шею, выглядывая его за прилавком. – Он ведь был здесь в прошлый понедельник, так?

Я пожала плечами:

– Да, но, может, у него подвижный график.

Тут Эрин легонько подтолкнула меня локтем:

– А вот и нет. Это ведь он, верно?

Лукас вошел в служебную дверь с большим мешком кофе. Его появление обескуражило меня. Мне показалось, будто мои внутренности скрутило в тугий узел, а когда эта судорога прошла, все запустилось по новой: сердце стало часто биться, легкие – что есть силы качать воздух, а мозг начал как ненормальный генерировать волны.

– Ух ты, Джей, да у него татуировки! – одобрительно пробормотала Эрин. – Он и без того сексуальный, а так вообще отпад!

Пока Лукас открывал пакет, я посмотрела ему на руки: действительно, какой-то узор, состоявший из символов и букв, был нанесен на оба запястья и поднимался до локтя, исчезая под закатанными рукавами серого трикотажного джемпера. Во время всех наших предыдущих встреч руки Лукаса были закрыты. Даже в субботу вечером на нем была белая футболка, а поверх – выцветшая черная рубашка с длинным рукавом.

Мне никогда не нравились татуированные парни. Я не понимала, как можно втыкать себе под кожу иголки с чернилами и зачем наносить на тело какие-то рисунки и надписи, от которых потом не избавишься. Интересно, у Лукаса тату только до локтя или и выше, на плечах? А может, еще и на спине? Или на груди?

Тут очередь продвинулась вперед, и Эрин дернула меня за руку:

– Ты сейчас весь наш план сорвешь! Забыла про безразличие? Хотя я тебя, конечно, понимаю, – вздохнула она. – Может, лучше слиняем, пока он не... – Я посмотрела на нее. Она замолчала и, хитро улыбнувшись, повернулась ко мне. – Продолжай глядеть на меня, – сказала Эрин и засмеялась, как будто мы разговаривали о чем-то очень забавном. – Он на тебя пялится, да еще как. Прямо раздевает взглядом. Чувствуешь? – спросила она с торжеством.

«Чувствую ли я, как Лукас на меня смотрит? Теперь да, спасибо», – подумала я, и лицо у меня загорелось.

– Боже мой, ты краснеешь! – прошептала Эрин, вытаращив свои темные глаза.

– Еще бы! – процедила я сквозь стиснутые зубы. Зачем было говорить мне, что он... он...

– Раздевает тебя взглядом? – Она снова засмеялась, и мне, как никогда, захотелось дать ей пинка. – Ну ладно-ладно, Джей, не волнуйся. Парень готов. Уж не знаю, что ты там с ним сделала, но он скоро будет бегать за тобой как собачонка. Можешь мне поверить. – Она взглянула в сторону Лукаса. – Ну а сейчас он занялся новой партией кофе, так что теперь ты можешь на него пялиться.

Мы подошли к прилавку еще ближе. Перед нами оставалось только два человека. Я стала смотреть, как Лукас меняет фильтр, отмеряет кофе и задает на аппарате нужные параметры. Зеленый фартук был завязан на спине как попало – скорее на узел, чем на бант. С

тесемок я перевела взгляд на ноги в поношенных, низко сидящих джинсах. К кошельку, засунутому в задний карман, была приделана цепочка, которая исчезала под фартуком. Видимо, другой ее конец крепился спереди, к петле для ремня.

Лукас подошел ко второй кассе и запустил ее, нажав несколько кнопок. Мне не терпелось узнать, проигнорирует ли он меня, как я его на занятии. Если да, то так мне и надо, раз я играю в эту дурацкую игру. Стоявший передо мной парень принялся обстоятельно излагать свой заказ девушке за первой кассой. В этот момент взгляд Лукаса встретился с моим.

– Следующий! – Стальной цвет его джемпера гармонировал с серыми глазами, в которых сейчас не было заметно голубизны. – Жаклин, – он произнес это с улыбкой, и я испугалась, что он читает мои мысли и знает все хитроумные планы, которые навязала мне Эрин, – снова американо или сегодня что-нибудь другое?

Значит, он запомнил, какой напиток я заказала на прошлой неделе!

Я кивнула. Он еле заметно усмехнулся, увидев, как я онемела, потом пробил нужную сумму и пометил чашку маркером, но вместо того, чтобы передать ее напарнику, сам сделал мне кофе, пока Эрин обслуживал другой сотрудник. Лукас надел на стакан крышку и предохраняющий чехол. На лице у него была едва различимая улыбка, смысла которой я не могла понять.

– Удачного дня! – Он посмотрел поверх моего плеча. – Следующий!

Эрин стояла у прилавка, где выдают готовые заказы. Я подошла к ней со смешанным чувством смущения и досады.

– Он сам сделал тебе американо? – спросила она, забирая кофе, и мы отошли к стойке с салфетками, ложечками, сливками и прочим.

– Да. – Я сняла с чашки крышечку, чтобы положить сахар и налить молоко, а Эрин посыпала корицы на свой латте. – Но он попрощался со мной так, будто я обычный покупатель, и стал обслуживать следующего.

Мы наблюдали, как Лукас работает. Он даже ни разу не взглянул в мою сторону.

– Готова поклясться: парень так запал на тебя, что у него в глазах было темно, когда он на тебя смотрел.

Под эти рассуждения мы вышли из кафетерия и, повернув за угол, слились с толпой, наводнившей студенческий центр.

– Привет, детка! – Чез вывел нас обеих из раздумий, выдернув Эрин из общего потока.

Она радостно взвизгнула, и я было рассмеялась, но вдруг увидела, кто стоит рядом с Чезом. Я почувствовала, что у меня кровь прилила к ушам и все лицо горит. Эрин и Чез поцеловались и принялись выяснять, кто во сколько вернется вечером с работы. В это время Бак уставился на меня, криво улыбаясь. Я задохнулась, постаралась не поддаться панике и подавить приступ тошноты. Хотелось развернуться и убежать, но меня как будто парализовало. «Здесь он меня не тронет, здесь он ничего мне не сделает», – успокаивала я себя.

– Привет, Джеки! – Он прошелся по моему телу своим буравящим взглядом, и у меня по коже поползли мурашки. – Классно смотришься, как всегда. – Он делал вид, что флиртует со мной, но мне в его словах слышалась скрытая угроза (уж не знаю, была ли она на самом деле).

Его синяки побледнели, но еще не исчезли. Одно желтоватое пятно обрамляло левый глаз, а другое, похожее на грязь, красовалось возле носа. О том, что Лукас был к этому причастен, знали только мы трое. Я молча в упор посмотрела на Бака, продолжая сжимать в руке стакан с кофе. А ведь когда-то этот парень казался мне симпатичным и обаятельным: этот его внешний лоск, который у нас в Америке в большой чести, ввел меня в заблуждение, как и многих других.

Я подняла подбородок, подавляя страх и вызванные им физические ощущения:

– Меня зовут Жаклин.

Бак удивленно приподнял бровь:

– Да?

Наконец Эрин схватила меня за локоть:

– Пойдем, красотка! У тебя ведь через пять минут история искусств!

Я развернулась и, слегка запнувшись, пошла за подругой. Бак заливисто рассмеялся мне вслед и издевательски крикнул:

– До встречи, Жаклин!

Услышав свое имя, произнесенное этим ртом, я содрогнулась. Ко мне вернулась способность двигаться, и я вслед за Эрин влилась в студенческое море, стараясь как можно скорее в нем исчезнуть.

Глава 6

ЭРИН. Еще не выкинула стакан из-под кофе?

Я. А что?

ЭРИН. Сними чехол.

Я. Ого!

ЭРИН. Там номер его телефона?

Я. Откуда ты знаешь???

ЭРИН. Я Эрин, я знаю все. :) Сама подумай, зачем ему было черкать на чашке, если собирался делать кофе сам?

Если бы во время занятия Эрин не прислала мне эсэмэску, бумажный стакан с написанным на нем номером очутился бы в урне.

Итак, Лукас, оказывается, оставил мне свой номер. А я-то подумала, что он просто машинально пометил, какой кофе я заказала, – так ведь делают все кассиры до того, как передать чашку напарнику. Я ввела этот номер в память своего мобильного и задумалась, что же делать дальше. Позвонить? Отправить эсэмэску?

Я прокручивала в мозгу все, что знала про Лукаса. В ту злосчастную ночь он возник из ниоткуда и помешал Баку меня изнасиловать, а потом посчитал себя обязанным проследить, чтобы я благополучно добралась до своей общаги. Он с самого начала откуда-то знал мое имя, точнее прозвище, хотя раньше мы вроде бы не встречались.

На экономике Лукас сидел в последнем ряду: рисовал или паялся на меня, вместо того чтобы слушать преподавателя. В субботу вечером мы танцевали, и от его уверенного прикосновения меня повело. После этого он, ни слова не говоря, испарился. Сегодня Эрин решила, что он раздевает меня глазами – посреди кафетерия, у себя на работе. Он самоуверенный и нагловатый, как петух. У него татуировки, и он слишком чувственный, чтобы разговаривать со мной. В общем, он действительно выглядит и ведет себя как плохой парень. Неужели Эрин и Мэгги правы?

Как бы то ни было, теперь его номер у меня в телефоне. Такое ощущение, что ему известно о нашей операции ФПП и он готов хоть сейчас исполнить ту роль, которую отвели для него мои подружки.

Но я его не знаю. Не знаю, что он обо мне думает. И думает ли он обо мне вообще. Девушка, которая разговаривала с ним на прошлой неделе после лекции, явно в него втюхалась. В клубе девчонки пожирали его глазами, когда он проходил мимо, некоторые оборачивались и смотрели ему вслед. Он с ними со всеми мог бы перетанцевать, а многие из них, наверное, даже согласились бы поехать к нему. Тогда почему же он тратит время на меня?

* * *

Привет, Лэндон!

В прикрепленном файле – план моей работы. Как появится возможность, просмотрю его, пожалуйста, и скажи: может, я понимаю проблему слишком широко или, наоборот, чересчур узко? Не могу решить, сколько экономик, кроме американской, брать для примера. Еще у меня вопрос про джей-кривую: если не ошибаюсь, она получается уже после девальвации, но разве экономика, как метеорология, не должна предсказывать будущее? Кому нужна эта кривая, когда все уже случилось?

Метеоролог, который не умеет предсказывать погоду, точно никому не нужен; его, скорее всего, уволят...

Вопросные листы тоже прикрепляю. Извини, что посылаю тебе столько всего сразу, да еще и в понедельник. Надо было раньше, но не получилось: мы с подругами в субботу были в клубе.

ЖУ

Привет, Жаклин!

Ничего страшного. День недели для меня значения не имеет: я в любой день почти постоянно учусь или работаю. Надеюсь, на вашей вечеринке было весело.

В первом письме я написал тебе, что не хочу знать обстоятельств твоего разрыва с парнем: получилось грубо, я не хотел. Надо полагать, это было свинство с его стороны – заставить тебя на две недели забросить занятия. Теперь я вижу, что, вообще-то, ты, наверное, нечасто прогуливаешь.

Посылаю тебе статью из «Уолл стрит джорнал». Там про джей-кривую написано лучше, чем в учебнике. Ты абсолютно права: если экономика не предсказывает будущее, это не экономика, а история. И она не поможет тебе решить, в какой валюте хранить сбережения, как плохой метеоролог не подскажет, брать ли зонтик, выходя из дому. (Кстати, экономику с метеорологией ты удачно сравнила.)

ЛМ

Я смотрела на это письмо, пытаюсь сопоставить Лэндона и Лукаса. В итоге решила, что сравнивать их бесполезно: они казались разными, как день и ночь. Правда, с ними обоими я была знакома не слишком хорошо. Про Лукаса я знала только то, что у него проницательный взгляд и что он из кого угодно может сделать котлету. На истории искусств я подумала: «Если бы Лукас сегодня вышел из кафетерия со мной вместе, то как бы повел себя Бак? Небось не посмел бы тогда на меня пялиться и говорить, что я „классно смотрюсь“». Я вспомнила, как он изучал меня своими холодными глазами, и у меня подвело живот.

Потом я, стыдясь своего легкомыслия, стала гадать, как выглядит Лэндон и изменится ли мое мнение о нем, если я его увижу. Он написал мне такое приятное письмо, что я улыбалась, глядя на экран ноутбука. Он сказал, что мой бывший – идиот. Кажется, ему, Лэндону, теперь любопытно, почему мы с Кеннеди расстались. Ему интересна я. Но, может быть, я просто слишком много фантазирую.

Лэндон!

Мы с моим парнем были вместе почти три года. Мне даже в голову не приходило, что он захочет меня бросить. Я поехала за ним в колледж, вместо того чтобы поступить в Школу исполнительского искусства. С руководителем нашего оркестра чуть удар не случился, когда он об этом узнал. Он уговаривал меня сдать экзамены в Оберлинскую или Джульярдскую консерваторию, но я не стала. Теперь, конечно, мне некого во всем этом винить, кроме себя самой. Я пожертвовала собственным будущим ради школьной любви и теперь чувствую себя не на своем месте. Не знаю, почему так вышло: потому ли, что я слишком сильно доверяла ему, или потому, что слишком мало доверяла себе. В любом случае я набитая дура. Такова моя душещипательная история.

Спасибо за статью.

ЖУ

Жаклин!

Ты не дура. Ты, может быть, слишком доверчива, но то, что случилось, бросает тень не на тебя и твои умственные способности, а на человека, который не оправдал твоего доверия. Что касается того, на своем ли ты месте, то, возможно, ты попала сюда по воле Провидения, если оно, конечно, существует (мне, как ученому, не полагается в это верить). Как бы то ни было, ты теперь принадлежишь сама себе и, раз уж ты здесь, тебе стоит извлечь из твоего теперешнего положения максимум пользы. Это ведь все, что ты можешь сделать, верно? На этой ноте я с тобой прощаюсь и иду готовиться к контрольной по статистической механике. Кто знает, вдруг я смогу научно доказать, что твой бывший тебя недостоин и что ты находишься именно там, где и должна быть.

ЛМ

* * *

Войдя в комнату, Эрин застала меня полусонной. Я была завалена цветными карточками с испанскими глаголами, большую часть которых успела перелопатить до того, как подруга прыгнула на край моей кровати.

– Ну что? Ты ему позвонила или написала? Сделала, как мы с Мэгги тебя учили? А что он тебе ответил?

– Я не звонила и не писала, – вздохнула я.

Эрин повалилась на кровать, театрально раскинув руки, а я принялась вытаскивать из-под ее спины карточки, пока она их все не помяла.

– Значит, струхнула!

– Может, и так, – пробормотала я, уставившись на бумажный квадратик, который держала в руке: *yo habré, tú habrás, él habrá, nosotros habremos...*⁸

– Хм... А знаешь, так даже лучше. Пусть он на тебя охотится. – Тут я приподняла бровь, а Эрин засмеялась. – С такими парнями, как Чез, намного проще. Черт, да ему достаточно было просто сказать: «Беги за мной!» – и он бы побежал.

Представив себе эту картину – вполне, кстати, правдоподобную, – мы обе засмеялись. Я подумала о Кеннеди: к какому типу парней принадлежит он? Поначалу он за мной охотился, но ему не пришлось очень-то напрягаться, чтобы меня поймать. Он сбил меня с ног, и я понеслась вместе с ним в потоке его надежд и планов, частью которых была сама. До недавнего времени.

– Ну что опять?! Джей, я знаю, о чем ты сейчас думаешь! Перестань, выбрось это дерьмо из головы. Пойду приготовлю какао, а ты занимайся своими... – она села и взяла в руки карточку, которую я не успела вовремя прибрать, – испанскими глаголами.

Эрин налила в чашки воды из-под крана и сунула их в микроволновку. Я уставилась в свои карточки, но перед глазами у меня все плыло. Черт бы побрал Кеннеди! Черт! Черт! Черт! Надо бы, чтобы он увидел меня с Лукасом. Пусть знает: у меня может быть другой парень – совсем на него непохожий, но ничуть не хуже. А если присмотреться, то даже лучше.

⁸ Я буду иметь, ты будешь иметь, он будет иметь, мы будем иметь... (исп.)

Итак, операция «Фаза плохих парней» началась. Но я не буду ни звонить, ни писать Лукасу. Если моя подруга права и он действительно охотник, то он еще недостаточно за мной побегал.

Когда Эрин подала мне чашку, я глубоко вздохнула и улыбнулась: заботливая соседка насыпала на мое блюдечко целую горку маршмеллоу⁹ из нашего тайничка, куда мы обе частенько наведывались, даже если и не собирались пить какао.

– Хорошо, я не буду ему писать. Что дальше?

Эрин торжествующе улыбнулась и тихонько взвизгнула:

– Он должен заценить, какая ты хорошая девочка... – Она вытаращила глаза, осененная внезапной догадкой. – Жаклин, а может быть, он заметил тебя на лекции еще до вашего разрыва с Кеннеди? А теперь ты ведь пересела, да? Значит, о том, что вы расстались, догадаться нетрудно. Это здорово! – Тут я снова пришла в замешательство, а моя наставница расхохоталась. – Он уже на тебя охотится. Ну а тебе остается от него убежать. Только не слишком быстро.

Я слизнула какао с верхней губы.

– Эрин, да с тобой опасно иметь дело.

Она лукаво улыбнулась:

– Я знаю.

* * *

В среду я подошла к аудитории еще до того, как закончилось предыдущее занятие. Когда звонок наконец прозвенел и большинство студентов вышли, я проскользнула на свое место в твердом намерении не обращать внимания на Лукаса, когда он войдет. Чтобы у меня был повод его не заметить, я принялась просматривать карточки с глаголами, хотя к тесту по испанскому и без того была готова на все сто процентов.

Бенджи пробрался на свое место слева от меня, но я не пошевелилась: я была занята тем, что игнорировала Лукаса (хотя даже и не знала, здесь он уже или еще нет). Отвлекаться от этого занятия я не собиралась.

– Привет, Жаклин. – Это не был голос Бенджи.

Лукас сидел на месте моего соседа, облокотившись о столик и придвинувшись к самой границе моей территории. У меня перехватило дух, но я постаралась не выдать своего волнения:

– А, привет!

Он куснул нижнюю губу:

– Ты, наверное, не заметила мой номер на кофейной чашке.

Я взглянула на свой мобильный, лежащий поверх учебника:

– Заметила.

Я посмотрела на Лукаса, ожидая его реакции. Теперь я ведь почти прямым текстом сказала: «Хочу, чтобы ты за мной побегал». Он улыбнулся, и возле его светлых глаз появились едва заметные морщинки. Я попыталась не подать виду, что это меня тронуло.

– Ясно. Тогда, может, ответишь мне тем же? Оставишь свой номер?

Я изобразила недоумение:

– Зачем? Тебе нужна помощь по экономике?

Он опять прикусил губу, на этот раз посильнее, и подавил смешок:

– Да вроде нет. А почему ты так решила?

Я нахмурилась: и как мне может нравиться парень, которого так мало заботит учеба?

⁹ Маршмеллоу – мягкие конфеты наподобие пастилы или зефира.

– Не важно, это не мое дело.

Он оперся подбородком о ладонь. Пальцы у него были серые – видимо, от карандаша, который он носил за ухом.

– Спасибо за заботу, но твой номер мне нужен совсем даже не из-за экономики.

Я взяла свой сотовый, нашла в нем номер Лукаса и отправила сообщение со словом «привет».

– Старик, ты сидишь на моем месте, – сдержанно произнес Бенджи.

Почувствовав, как телефон завибрировал у него в руке, Лукас улыбнулся: моя эсэмэска пришла, теперь у него был мой номер. Вылезая в проход, он сказал Бенджи:

– Извини.

– Все ОК.

Бенджи был одним из самых легких и спокойных людей, каких я когда-либо встречала. Можно было подумать, что он лентяй, но, заглянув в листок с его аттестационной работой, я увидела, что там стоит твердая «В». И хоть мой сосед и изображал из себя соню и прогульщика, ни одного занятия он еще, как оказалось, не пропустил.

Лукас не спеша направился к своему месту, а Бенджи уселся и, придвинувшись ко мне еще ближе, чем это сделал его предшественник, сказал:

– И что это было?

Он так выразительно пошевелил бровями, что я еле сдержала улыбку.

– О чем это ты? Не понимаю! – ответила я, хлопая ресницами на манер южных красавиц.

– Осторожней, дамочка, – протянул Бенджи. – Этот тип довольно опасный. – Он откинул со лба длинный завиток, падавший ему на глаза, и улыбнулся. – Хотя немного опасности – это иногда не лишнее, правда?

Мои губы растянулись в улыбочке.

– Правда.

Когда половина пятидесятиминутного занятия прошла, я оглянулась. Лукас в этот момент на меня не глядел, поэтому я могла спокойно смотреть на него. Он сосредоточенно рисовал: сначала наносил штрихи карандашом, а потом растушевывал их пальцем. Темные волосы падали ему на лицо. Лукас не обращал внимания ни на преподавателя, ни на сидящих вокруг – можно было подумать, что он в аудитории один. Я представила себе, как будто он сидит с ногами на кровати, держа блокнот на коленях. Интересно, что он рисует? Или кого?

Лукас поднял глаза. Он поймал и несколько секунд удерживал мой взгляд. На его лице появилась уже знакомая мне тень улыбки. Продолжая смотреть на меня, он вытянул шею и повел плечами. Потом вернулся к своему блокноту: постучал по нему кончиком карандаша и оценивающе оглядел рисунок, откинувшись на спинку стула и опустив ресницы.

Доктор Хеллер закончил чертить на доске диаграмму и продолжил лекцию. Лукас заткнул карандаш за ухо и взял ручку. Переключая внимание на профессора, он еще раз мне улыбнулся. От радостного волнения у меня кольнуло внутри.

Когда занятие закончилось, Лукаса перехватила какая-то девушка (не та, что разговаривала с ним в коридоре на прошлой неделе), и я, глядя прямо перед собой, рванулась к выходу. Мощный выброс адреналина в кровь придал мне ускорение. Бросив быстрый взгляд через плечо, я нырнула в боковую дверь и только тогда сбавила скорость. Я чувствовала себя глупо. Эрин и Мэгги настаивали на том, чтобы я побегала от Лукаса еще несколько дней. Но он, похоже, не собирался меня догонять, во всяком случае не в буквальном смысле слова.

Я написала Эрин, что сегодня не пойду в «Старбакс»: буду пить дерьмовый кофе в буфете. Она ответила: «Гениально! Я тоже туда приду: в знак сестринской солидарности и всякой такой фигни».

* * *

Под конец занятия по истории искусств я засомневалась в том, что Лукас действительно хочет играть со мной в игру, которую навязала мне Эрин. Может быть, он не собака. Или я не кошка. Или я просто плохо справляюсь со своей ролью. Я вздохнула, пряча телефон в сумку: как минимум раз тридцать за занятие я проверила, не пришла ли эсэмэска.

Я всегда довольно пренебрежительно относилась к играм, которые люди ведут, чтобы добиться любви. Или секса. Мне виделся в этом своеобразный спорт. Мол, кто куда допрыгнет. И я никогда не понимала, от чего зависит успех в подобном соревновании: от умения, везения или от удачного сочетания того и другого. Люди редко говорят то, что думают и чувствуют. Все врут.

«Тебе легко так говорить с высоты твоих идеальных отношений с Кеннеди!» – упрекнула меня Эрин, когда несколько месяцев назад я сказала ей, что она смешно ведет себя с парнем: перед тем как начать тщательно спланированное наступление, она долго выясняла, чего он хочет от отношений с девушкой. Сейчас я признаю, что именно так и нужно делать. Ну а тогда я не знала, каково молодой женщине быть одной, и поэтому не имела права судить. Теперь все изменилось.

Мое беспокойство было напрасным, но я не могла от него избавиться. На лекции Лукас на меня смотрел. Уходя с экономики, я была так уверена в себе, а теперь чувствовала себя жалкой. Почему? Потому что после занятия он не отпихнул с дороги ту рыжую девицу и не пошел за мной? Потому что за какие-то три с половиной часа ни разу мне не написал? Бред!

Разогревая суп в микроволновке, я призналась себе в том, что мои попытки управлять вниманием Лукаса провалились. Я представила, как он выходит из аудитории с той симпатичной девушкой, держа ее за руку (это еще в лучшем случае), и тут же отогнала эту мысль. «Идиотка!» – выругала я себя.

Тут звякнул лежащий на кровати ноутбук: пришло новое сообщение. У меня внутри что-то встрепенулось. Может, это какая-нибудь ерунда: письмо из нашего медицинского центра с предложением сделать прививку от гриппа или обо мне вдруг вспомнил кто-то из школьных друзей, которые поголовно «так потрясены» тем, что мы с Кеннеди расстались. Они узнали об этом, когда он в «Фейсбуке» изменил информацию о своем статусе – через двадцать минут после того, как меня бросил. Ну а я деактивировала свой аккаунт и до сих пор его не восстановила. Я содрогалась при мысли о том, что, войдя в «Фейсбук», увижу фотографию Кеннеди и узнаю о новейших событиях его личной жизни. Конечно, не обязательно поддерживать отношения с ним самим, но у нас слишком много общих знакомых. Поэтому совершенно оградить себя от напоминаний о нем никак не получалось. На следующий же день после нашего разрыва мне начали приходить снисходительные письма с изъяслениями сочувствия. Неудивительно, что меня стало тошнить от необходимости проверять почту.

Поморщившись, я открыла папку входящих... и улыбнулась.

* * *

Привет, Жаклин!

Ты не сможешь выбраться на семинар в четверг (то есть завтра)? Если нет, посылаю тебе вопросный лист по завтрашнему материалу. Тема новая, не связанная с предыдущими, и твои пропуски не мешают тебе в ней разобраться. Кстати, на то, чтобы все наверстать, у тебя остается около недели.

ЛМ

Р. S. Я думал, как доказать тебе, что ты попала именно туда, куда и должна была попасть. И вот что мне пришло в голову: почему ты так уверена, будто где-то в другом месте тебе было бы лучше? Уехав в другой штат, ты рассталась бы со своим парнем и, наверное, укоряла бы себя за это. Ты ведь не знала бы, что он все равно собирался с тобой порвать. Ну а так ты здесь. Парень тебя бросил, ты стала прогуливать лекции и познакомилась с лучшим из всех ассистентов преподавателей экономики в университете! Кто знает – может, я заставлю тебя полюбить этот предмет. Да, забыл спросить: какая у тебя специальность?

Привет, Лэндон!

Моя специальность – преподавание музыки. Терпеть не могу, когда говорят: «Кто умеет что-то делать, делает это, а кто ничего не умеет, учит других». Знаю, что это чушь: сама ведь даю уроки. И все-таки я больше хотела бы делать, чем учить. Я мечтала поступить в симфонический оркестр или в какой-нибудь продвинутый джаз-банд. Но вместо этого буду преподавателем.

На семинар я прийти не смогу: у меня завтра ученики. (Этим ребятам было бы куда веселее на наших занятиях, если бы я пукала гаммы, вместо того чтобы разыгрывать их на контрабасе.) Не хотелось бы тебя расстраивать, но я собираюсь сдать зачет и на этом покончить с экономикой. Тем не менее ты гениальный преподаватель, честное слово! Спасибо за вопросник. И вообще за то, что помогаешь мне: ты хороший человек.

ЖУ

Жаклин!

Если ты хочешь делать, а не учить, тогда вперед! Что же тебе мешает?

Говоришь, я хороший человек? Первый раз слышу о себе такое. Обычно люди считают меня надутым говнюком. И надо признаться, я даю основания для таких отзывов. Так что, пожалуйста, ни с кем не делись своим мнением обо мне. А то еще разрушишь мою репутацию. :)

ЛМ

Р. S. Заполни вопросник. До пятницы. Сейчас я очень сурово смотрю на тебя через экран. ЗАПОЛНИ ВОПРОСНИК! Будут какие-то проблемы – пиши.

Лэндон!

Ты спрашиваешь, что мне мешает? Я профукала возможность поступить в консерваторию. Я застряла в штате, где искусства не в большом почете. (Возможно, мне, как учителю, придется всю жизнь с этим бороться.) Осуществить мои мечты не так просто, как кажется. Надо все хорошо обдумать.

Можешь не опасаться за свою репутацию надутого говнюка. На моих устах печать молчания.

Р. S. Вопросником я занимаюсь, но при этом смотрю на тебя очень сердито. Такое ощущение, что я раб, а ты надсмотрщик. Уф!

Отправляя письмо, я усмехнулась. Кажется, у меня начинается новая игра. Так, может, послать подальше Лукаса с его до неприличия загадочной улыбкой? Пусть Эрин и Мэгги друг другу рассказывают про охоту и погоню: эта белиберда не для меня. Я и без их советов могу завязать отношения с парнем – правда, по электронной почте. Когда до меня дошло, что я флиртую с кем-то по Интернету, торжествующая улыбка сползла с моего лица. Я вернулась к суровой реальности. Я ведь понятия не имею, как выглядит этот Лэндон и что он за человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.